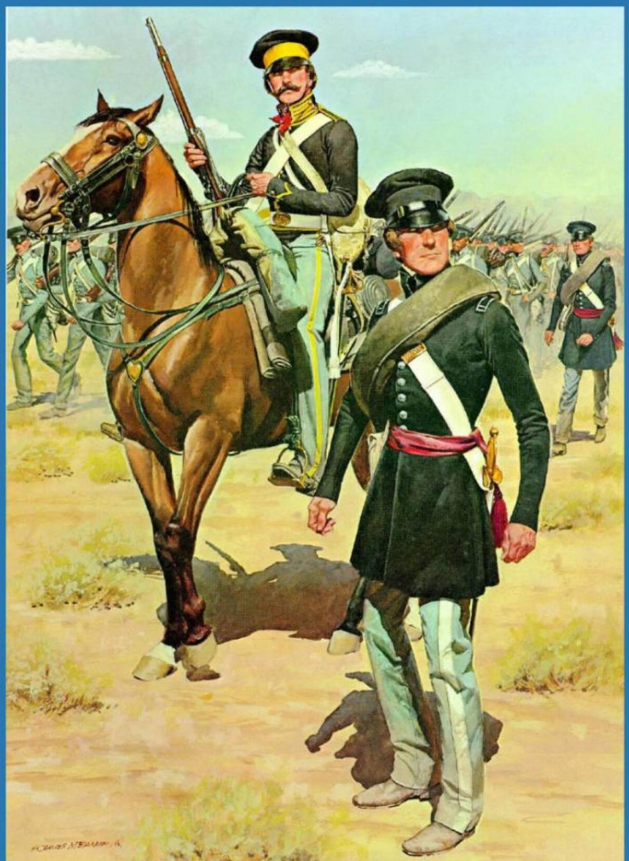
Андрей Малов

Американо-мексиканская война

Андрей Малов

Американо-мексиканская война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72765790
SelfPub; 2025

Аннотация

Данная работа повествует об одном из ключевых событий в истории США, которое, тем не менее, не получило большой известности не только у нас, но и в самой Америке. Речь идет об Американо-мексиканской войне 1846 – 1848 гг. В ее рамках автор разбирает предпосылки этого конфликта, подробно рассказывает о ходе крупнейших сражений, а также рассуждает о том, какие колоссальные последствия он имел не только для США и Мексики, но и для всего мира

Содержание

Предисловие 4
Глава 1. США в начале XIX века 11
Глава 2. Мексика и Техас 56
Часть 3. Революция в Техасе 72
Глава 4. Аннексия Техаса 89
Глава 5. Американская кровь на американской земле 115
Конец ознакомительного фрагмента. 139

Андрей Малов
Американо-мексиканская война

Предисловие

Что приходит на ум современному отечественному читателю при упоминании Соединенных Штатов Америки и Мексики? Вероятно, он сразу представит могущественную мировую державу, чье влияние простирается далеко за пределы Западного полушария, с одной стороны, и довольно крупную и развитую, но сугубо второстепенную страну, страдающую из-за постоянных внутренних проблем, с другой. Когда мы слышим новости о США, речь, как правило, идет о событиях, имеющих огромное значение для всего мира. Разумеется, иногда до нас доходит информация и о сугубо внутриамериканских делах, но и они зачастую также имеют серьезное значение для международной политики. Новости из Мексики появляются гораздо реже и, как правило, связаны с криминалом, например, с бесконечной войной наркокартелей, или же с культурой и спортом. Такое положение вещей кажется абсолютно естественным и обычно не вызывает никакого удивления. Мексика рассматривается

как младший брат США, полностью следующий в фарватере американской политики. Если между странами и возникают какие-то разногласия, то обычно они связаны с проблемами нелегальной миграции или наркотрафика и, в целом, пусть и не без эксцессов, но вполне успешно решаются. Однако это только на первый взгляд.

Более чем полтора века назад между двумя североамериканскими республиками разгорелась война, которая имела огромное значение для всей их дальнейшей истории. Эта война была поистине уникальной во многих отношениях. Впервые США выступили как однозначный агрессор. Впервые война велась полностью на вражеской территории. Впервые она окончилась для американцев огромными территориальными приобретениями. Приобретениями, которые на поверку оказались отравленными и спустя каких-то 15 лет чуть не погубили страну, расколов ее надвое и едва не уничтожив «Великий американский эксперимент», начатый Отцами-основателями.

Последствия этого конфликта для Мексики были еще более серьезными – наследница некогда блистательной испанской колониальной империи потеряла половину своих земель и оказалась в поистине чудовищной финансовой яме, а через некоторое время стала мишенью для очередной иностранной интервенции, на этот раз французской. Только после долгих лет кровавой борьбы и окончательного изгнания европейских оккупантов страна смогла насладиться миром

и относительной стабильностью. И если в массовом сознании американцев эта война во многом стерлась из памяти из-за последовавшей за ней кровавой междоусобицы, то вот к югу от границы воспоминания о ней живы и по сей день. Горечь из-за больших людских потерь и утраченных территорий по-прежнему не забыта и остается незаживающей национальной травмой, влияющей и на сегодняшнюю жизнь этой страны. Да и отношение обычных мексиканцев к своим северным соседям далеко не однозначное – несмотря на тесные экономические, политические и культурные связи, есть немало людей, которые отнюдь не рады видеть туристов и бизнесменов-гринго на своей земле.

С другой стороны, юг и юго-запад США в последние годы стали местом притяжения большого количества мексиканских мигрантов, которые приносят с собой свой язык, свою культуру, религию и образ жизни. Пытаясь сбежать от нестабильной криминогенной обстановки в приграничных мексиканских штатах и надеясь воспользоваться широкими возможностями, которые предоставляет Америка, они, тем не менее, не теряют связи со своими соотечественниками, оставшимися на родине. Все это не может не настораживать консервативно настроенные американские круги, которые пытаются остановить этот бесконечный людской поток. Некоторые из них, особенно те, кто хорошо знают историю своей страны, вспоминают, что в середине XIX века именно миграция и стала одной из причин, по которой между сосе-

дями по континенту и разгорелась война (правда, тогда эта миграция имела абсолютно противоположное направление). Особо радикальные ура-патриоты, размахивая флагами, даже выступают с воинственными лозунгами в духе «помни Аламо» и «можем повторить».

Несмотря на то, что такие нелепые призывы являются уделом маргинального меньшинства, и в серьезном американском историческом сообществе наблюдается определенное возрождение интереса к этой, во многом незаслуженно забытой теме. Однако и по сей день количество работ по Американо-мексиканской войне минимально, особенно по сравнению с совершенно исполинским объемом изданий, посвященных Гражданской войне, Американской революции и войнам США в XX веке. Что касается нашей страны, то этот конфликт вообще не получил никакого освещения, даже среди признанных экспертов в области ранней американской истории. Кроме небольших статей и очерков в специализированных изданиях, у нас по этой теме не выходило практически ничего.

Данная работа и призвана восполнить этот пробел. Некоторые читатели могут задаться вопросом – а зачем нам вообще изучать историю этого конфликта? Неужели в то время не происходило ничего более важного для истории нашей страны? И правда, 40-е годы XIX века – это эпоха колоссальных преобразований в европейских странах, когда старый порядок, основанный на положениях Венского конгрес-

са, начал рушиться и когда привычные феодальные порядки стали трещать под натиском национально-освободительных сил и прогрессивных движений, что в конечном итоге вылилось в грандиозные волнения, известные как Весна народов 1848-49 гг. Эти события напрямую затронули и Российскую империю, которая непосредственном образом участвовала в военных действиях, развернувшихся в Центральной Европе. Казалось бы, какое нам дело до небольшой региональной войнушки, которая примерно в то же время имела место по ту сторону земного шара?

А дело тут отнюдь не в весьма скромных масштабах Американо-мексиканской войны, а в том, какое значение она имела для дальнейшей судьбы Соединенных Штатов. Именно она окончательно подтолкнула Америку к пропасти под названием Гражданская война. Противоречия, которые годами копились в американском обществе, с окончанием мексиканской кампании, наконец, вылезли наружу и в конечном счете сделали неизбежным вооруженный конфликт между промышленным Севером и рабовладельческим Югом. А ведь именно Гражданская война – это определяющее событие в истории США, именно она сделала эту страну такой, какая она есть сейчас. Понимание американской истории, осознание тех исторических предпосылок, что сформировали современные Штаты – необходимое условие для выстраивания с ними отношений как сегодня, так и в будущем. То же, впрочем, относится и к Мексике, которая в перспективе

может оказаться очень важным торговым и экономическим партнером нашей страны в Западном полушарии. И я очень надеюсь, что данная работа, помимо всего прочего, познакомит читателей с политическими, культурными и военными традициями этих стран и приблизит нас к пониманию тех процессов, что происходят там в настоящее время. В конце концов, агрессивная внешняя политика США и проблемы Мексики с организованной преступностью появились явно не вчера и своими корнями уходят как раз в начало-середину XIX века, в чем читатели и смогут в дальнейшем убедиться.

Я также полагаю, что данное исследование окажется небезынтересным и для любителей военной истории, ведь эта война была последней, в которой армии сражались «по старинке», в полном соответствии со стратегическими и тактическими доктринами Наполеоновской эпохи. Она стала лебединой песней гладкоствольного огнестрельного оружия, которое еще позволяло осуществлять лобовые атаки в сомкнутом строю и брать укрепленные позиции решительным штыковым ударом. Изобретение пули Минье в 1846 году уже совсем скоро приведет к массовому распространению нарезных ружей, что коренным образом изменит тактику пехотного боя и, в конце концов, завершит блистательную эпоху Наполеона, Кутузова и Веллингтона. В ходе этой работы мы подробно рассмотрим все мало-мальски крупные сражения этой войны и узнаем, что же представляли из себя североамериканские армии той эпохи. Следует признать, масштаб

этих битв был крайне скромным, особенно если сравнивать их с чудовищными мясорубками времен Гражданской войны. Тем удивительнее наблюдать, как небольшие стычки отрядов буквально в пару тысяч человек, а иногда и того меньше, решали судьбу поистине исполинских территорий.

Разумеется, рассматривая данный конфликт, мы просто обязаны будем рассмотреть и его крайне любопытную предысторию. В первую очередь, речь, конечно же, идет о Войне за независимость Техаса, которой в данной книге будет уделено довольно много внимания. Техас занимает уникальное место среди остальных американских штатов, ведь он был единственным, вошедшим в состав Союза как независимое государство. И по сей день техасцы гордятся своей особенной историей и культурой, которая, по сути, и родилась на свет в те бурные времена, а такие названия как Аламо, Голиад и Сан-Хасинто значат для них не меньше, чем Банкер-Хилл и Йорктаун для остальных американцев.

Ну а начнем мы с еще более отдаленных по времени событий, ведь чтобы в полной мере понять причины и предпосылки этого конфликта, нам необходимо будет посмотреть, что же представляла из себя американская республика в начале XIX века, и какие глубокие внутренние противоречия скрывались за внешним фасадом спокойствия и благополучия. Итак, наше путешествие в Северную Америку XIX века начинается!

Глава 1. США в начале XIX века

Первые годы жизни

Начиная наш рассказ об истории Америки XIX века, просто необходимо хотя бы в самых общих чертах обрисовать, откуда же появились сами Соединённые Штаты и какие общественно-политические процессы происходили в стране на заре её существования.

В начале XIX века США были еще очень молодой страной. В 1776 году 13 британских североамериканских колоний, недовольные новыми налогами и отсутствием представительства в парламенте, восстали против своей метрополии. В результате долгой семилетней борьбы и, не в последнюю очередь, благодаря помощи от Франции и Испании, мятежным штатам удалось одержать громкую победу и объявить всему миру о своей независимости.

Теперь перед новорожденной республикой со всей серьезностью встал вопрос о том, как жить дальше. Ещё в ходе войны в 1777 году были приняты так называемые Статьи Конфедерации – первый конституционный документ в истории страны. Согласно статьям, центр решал вопросы войны и мира, дипломатии, западных территорий, денежного

обращения и государственных займов, в то время как все остальные вопросы отдавались на откуп органам власти самих штатов. В результате федеральное правительство было крайне слабым и не могло решать серьезные задачи, стоявшие перед страной, особенно в части сбора налогов и национальной обороны. Всем здравомыслящим представителям политических элит было ясно, что необходимо создать более эффективный госаппарат и четко обозначить полномочия центрального правительства. В итоге в 1787 году после весьма бурных обсуждений был принят документ, который до сих пор является основополагающим законом, регулирующим политическую и общественную жизнь страны – Конституция Соединенных Штатов Америки.

В ее разработке принимали участие самые выдающиеся государственные деятели и мыслители своего времени – Джеймс Мэдисон, Джон Джей, Александр Гамильтон и другие. Последний предлагал максимально расширить полномочия федерального правительства, ограничить власть штатов и ввести протекционистские тарифы с целью стимулировать производство отечественных товаров. Соответственно, возглавляемое им политические движение вскоре получит название партии федералистов, которая представляла, прежде всего, интересы бизнеса и зарождавшегося промышленно-финансового капитала и имела поддержку в основном на северо-востоке страны – в Новой Англии. Нетрудно догадаться, что их противники желали для страны ровно про-

тивоположного – ограничения президентской власти (которую они сравнивали с властью ненавистного британского монарха), широких полномочий отдельных штатов и открытой торговли. Возглавлял это движение (названное, соответственно, антифедералистским) Томас Джефферсон, главный творец Декларации независимости и один из самых популярных политиков США на заре их существования. Основной базой движения стали южные штаты, плантационный характер хозяйства которых болезненно реагировал на любые ограничения свободы торговли и давление со стороны федерального центра. Впоследствии из этого течения родится демократическо-республиканская партия, дальний предок современной Демпартии.

Тем не менее, несмотря на эти противоречия (которые впоследствии станут базисом векового противостояния Севера и Юга), сторонам удалось договориться и принять компромиссный вариант Конституции. Это стало возможным, прежде всего, благодаря позиции отца нации Джорджа Вашингтона, пользовавшегося непререкаемым авторитетом среди всех политических сил страны. Именно его поддержка так называемой Вирджинской редакции Конституции обеспечила в конце концов ее принятие, пусть и не сразу и не всеми штатами. Ее сутью было создание системы федеральных органов, которые обладали значительными полномочиями, но при этом за пределами этих полномочий права штатов оставались прежними. Власть президента ограни-

чивалась двухпалатным парламентом, в верхней палате которого – Сенате – заседало равное количество делегатов от всех штатов (по два человека), а в нижней – Палате представителей – места распределялись пропорционально количеству избирателей в каждом округе. Судебную ветвь власти представлял Верховный Суд, который получил право оценивать соответствие законов положениям Конституции. К слову, подобная система власти сохраняется в стране и по сей день.

Ни для кого не стало сюрпризом, что в 1789 году первым президентом США был избран Вашингтон, при правлении которого политические разногласия на время поутихли – Отец нации безоговорочно поддержал Конституцию, и возражать столь авторитетной персоне никто не смел. Страна получила возможность сосредоточиться на внутреннем развитии, и прежде всего, на экспансии в западном направлении. Сразу после окончания Войны за независимость поток переселенцев хлынул за горы Аппалачи, и в результате в самое короткое время на карте США появились новые штаты: Кентукки, Теннесси и Огайо.

Сам Вашингтон не принадлежал ни к одной из политических партий. Более того, он считал, что само их наличие может оказаться губительным для государства. Тем не менее, в целом он поддерживал курс федералистов на укрепление центрального правительства и считался среди них отцом не только страны, но и этого политического течения. Вместе с

тем, имея во время своего правления абсолютно реальные шансы на узурпацию всей полноты власти, он сумел избежать этого соблазна и выстроил государственную систему таким образом, что она продолжила прекрасно функционировать и без него.

Пожалуй, именно это и спасло молодую республику от серьезных проблем, которые вполне могли бы развалить ее в первые же годы ее существования. В отличие от правителей многих государств Латинской Америки, президент США не стал абсолютным диктатором, при котором весь госаппарат заточен лично под него. С другой стороны, глава государства и не превратился в совершенно номинальную фигуру, выполняющую сугубо церемониальные функции. Он стал олицетворением всей мощи исполнительной власти, имеющей право наложить вето на большинство принимаемых Конгрессом законов. При этом он не мог самолично решать все текущие государственные дела без поддержки законодательного собрания. Таким образом, в стране сложилась система сдержек и противовесов, которая, пусть и не без эксцессов, работает в Штатах до сих пор. Можно справедливо ругать американцев за попытки изобразить из себя главный оплот демократии в мире, но нельзя отрицать, что именно там родилась поистине уникальная конструкция, которая не дает узурпировать власть какой-либо одной силе и одновременно позволяет населению активно участвовать в политической жизни страны. И основная заслуга в этом принадле-

жит именно первому президенту, во многом благодаря мудрости, прозорливости и скромности которого страна смогла пережить все внутренние потрясения, ожидавшие ее в следующие два с половиной века.

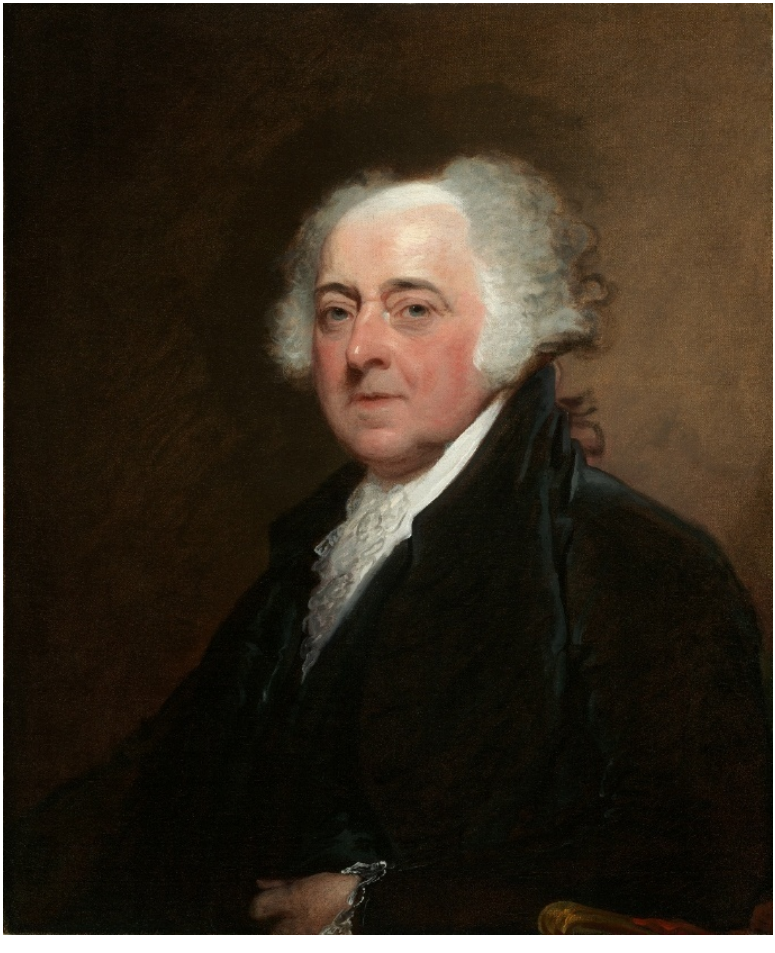
(1) *Парадный портрет Джорджа Вашингтона, первого президента США, Гилберт Стюарт*

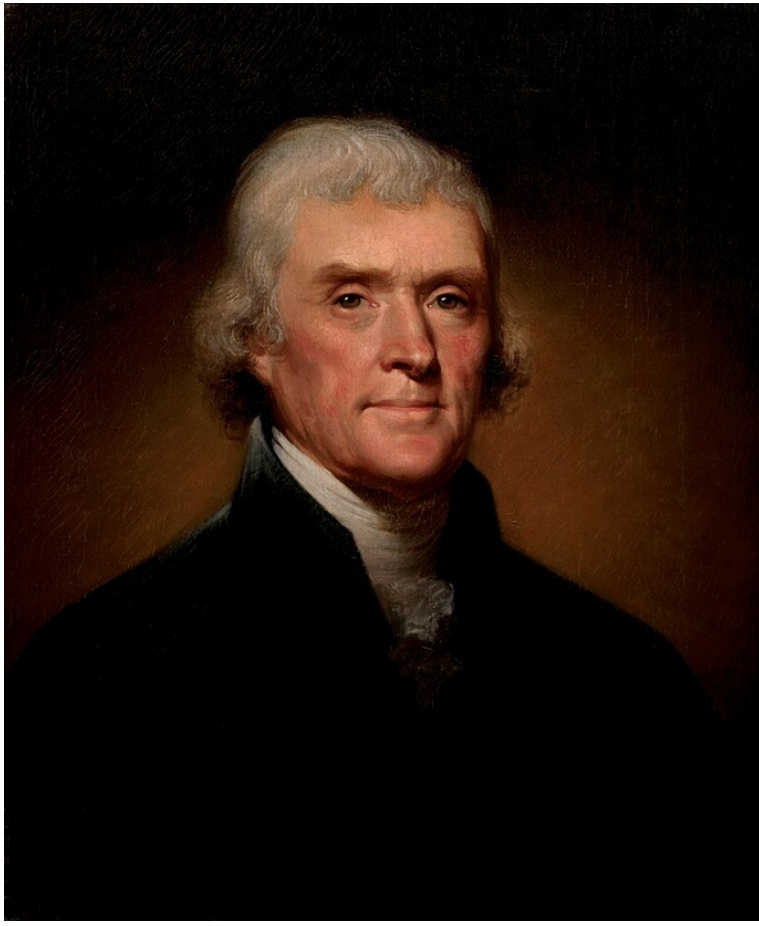
В 1797 году Джордж Вашингтон ушел с поста президента, заложив американскую традицию, согласно которой глава государства не может занимать эту должность более двух раз. Формально это положение нигде не закреплялось, но уважение к главному отцу-основателю было столь огромно, что никто не смел нарушить его аж до середины XX века, когда Франклин Делано Рузвельт будет избран на высший пост четыре раза подряд. Он же, впрочем, останется и единственным, кому это удалось – в 1951 году 22-я поправка к Конституции законодательно ограничила срок правление президента США двумя сроками.

Впервые в истории страны имели место по-настоящему конкурентные выборы, победу на которых одержал Джон Адамс, бывший вице-президент в администрации Вашингтона и основатель известной политической династии. Собственно, именно его тесная связь с отцом нации и позволила ему обойти крайне популярного Джефферсона. Адамс принадлежал к партии федералистов, но при этом, в отличие от того же Гамильтона, его политические взгляды были весьма умеренными. В этом он целиком и полностью поддерживал курс Вашингтона, нацеленный на примирение конкурирующих партий. В целом, ему это удавалось, хотя и не без труда

– растущее влияние южных штатов позволило демократическо-республиканской партии постоянно атаковать позиции как федералистов в целом, так и Адамса в частности.

Более того, резко обострилась международная обстановка – в 1798 году из-за разногласий касательно внешнего долга между США и революционной Францией началась так называемая «квазивойна», в ходе которой корабли обеих сторон вели настоящие боевые действия по всему Атлантическому океану. К счастью для американцев, в скором времени во Франции к власти пришел Наполеон, который почел за благо решить вопрос миром. Тем не менее, политика Адамса во время противостояния с французами, а именно, принятие крайне непопулярных Законов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу, перечеркнуло все его шансы на переизбрание в 1800 году. В итоге он проиграл своему давнему сопернику Джефферсону и фактически сошел с политической сцены. Однако его дело продолжили его потомки, среди которых особенно выделялись сын Джон Куинси Адамс и внук Чарльз Френсис Адамс. Впрочем, о них речь пойдет в дальнейших главах нашего повествования.

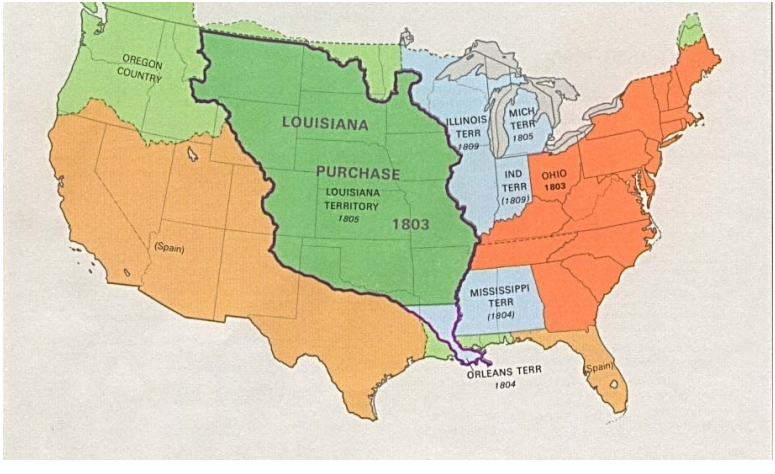

Извечные друзья-соперники Джон Адамс (2) и Томас Джефферсон (3), второй и третий президенты США.

Верный программе своей партии, третий президент снизил налоги, сократил государственные расходы, в том числе на армию и флот, расширил полномочия отдельных штатов и активно поддерживал территориальную экспансию. В этом с ним были полностью солидарны и крупные южные плантаторы – ведь аграрное хозяйство по самой сути своей требует постоянного расширения – вследствие чего они и составили основную электоральную базу демократическо-республиканской партии, заложив основы ее доктрины на долгие годы. Безусловная личная свобода, ограничение власти центрального правительства, низкие налоги, широкие полномочия отдельных штатов, расширение сельхозугодий – все это просто необходимые условия для процветания аграрной экономики Юга. Именно на эти идеалы в дальнейшем будут опираться Мэдисон, Джексон, Полк и другие президенты-демократы, при этом претворяя в жизнь свое видение наследия Джефферсона, которое далеко не всегда совпадало со взглядами самого великого вирджинца.

Но самым выдающимся достижением Джефферсона на посту президента стало, без сомнения, приобретение Французской Луизианы за 15 миллионов долларов. Тогдашнюю Луизиану ни в коем случае не следует путать с современным штатом с таким же названием. Это была поистине исполинская территория размером 2 140 000 квадратных километров, на которой частично или полностью располагают-

ся 15 из 50 современных американских штатов. Давая свое одобрение на эту сделку, самое деятельное участие в которой принял будущий президент и ученик Джефферсона Джеймс Монро, глава государства понимал, что он фактически превышает свои полномочия. По сути, он согласился выделить на нее деньги еще до того, как за это проголосовал Конгресс! Казалось бы, для такого ярого противника усиления центральной власти, как Джефферсон, это было немыслимо, но Мудрец из Монтичелло1[1] понимал, что от этого предприятия, в общем-то, зависит само будущее страны.

[1] Прозвище Джефферсона, которое он получил благодаря названию своего поместья в Вирджинии – прим. авт.

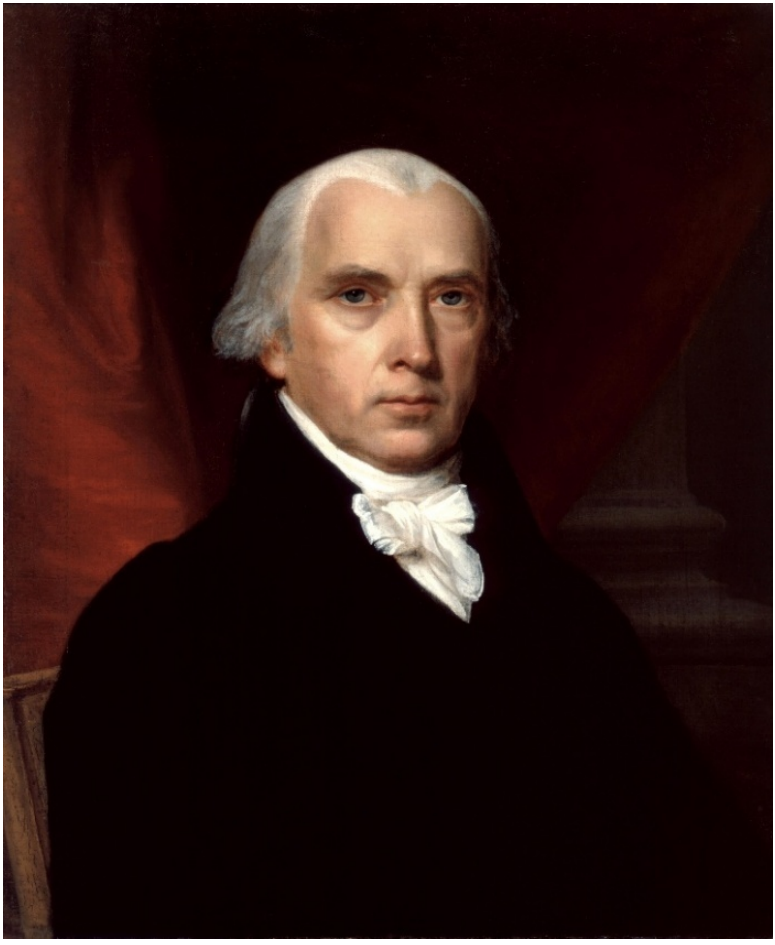
(4) Территориальные приращения США к 1810 году

И он оказался прав. Благодаря этому приобретению, Соединенные Штаты увеличили свою территорию практически вдвое, получив в свое распоряжение богатейшие и еще практически никем не освоенные земли. Можно с уверенностью утверждать, что именно Луизианская покупка заложила основы будущего процветания страны на долгие годы. Но, что самое важное, уникальное географическое положение США позволяло им спокойно осваивать свои новые владения – ведь они находились на глубокой периферии тогдашней геополитики, и титанические события в Европе, связанные с Наполеоновскими войнами, вроде бы никак не должны были ее затронуть. Вышло, однако, немного иначе.

Война 1812 года

На волне популярности демократическо-республиканской партии, к власти в 1809 году приходит друг и соратник Джефферсона Джеймс Мэдисон, с большим преимуществом победивший на выборах федералиста Джеймса Пинкни. Будучи, как и его предшественник, вирджинцем, он представлял свой округ в Континентальном конгрессе в 1780-1783 гг., а в 1787 был направлен в качестве депутата на Конституционный конвент. Именно там к нему и пришла поистине всенародная слава. Мэдисон отлично владел письменной ре-

чью и стал автором аж 29 статей в «Записках Федералиста», сборнике, изданном в поддержку ратификации Конституции США. Осознавая необходимость укрепления центральной власти, он горячо поддержал принятие нового основного документа страны, и, более того, внес наибольший вклад в его создание. И по сей день он известен в Америке, в первую очередь, как Отец Конституции. Также они вместе с Джефферсоном сыграли ведущую роль и в принятии первых десяти поправок к основному закону, известных как Билль о правах. Эти поправки устанавливали основные права и свободы граждан, такие как свобода слова, волеизъявления, вероисповедания, право на честный и беспристрастный суд, а также создали эффективный механизм для их реализации.

(5) Джеймс Мэдисон, четвертый президент США

Признавая исключительные заслуги своего товарища, Джефферсон доверил ему важнейшую должность госсекретаря в своем кабинете. Как известно, госсекретарь в правительстве США – это почти полный аналог министра иностранных дел в других странах, только с несколько более широкими полномочиями. И надо отметить, что международная обстановка в начале XIX века была весьма напряженной.

В Европе в это время то затухали, то вновь вспыхивали бесконечные, казалось, войны между революционной, а потом и наполеоновской, Францией и антифранцузской коалицией, в которой первую скрипку неизменно играла Великобритания. Для США это были весьма неприятные новости – мало того, что и французы, и британцы были основными торговыми партнёрами Штатов, так еще и молодая и неокрепшая республика теперь вполне могла оказаться втянутой в этот конфликт помимо своей воли. Поначалу Джефферсон даже смог извлечь из этого положения большую выгоду – чуть выше мы уже рассказали о Луизианской покупке. Однако с началом Войны третьей коалиции ситуация вновь накалилась. Британцы начали конфисковывать американские товары, следовавшие во французские порты, и, что самое неприятное, прибегли к практике несильной вербовки американских моряков, многие из которых были в прошлом подданными Короны. В свою очередь, французы также периодически наносили ущерб американскому судоходству. В 1807 году Джефферсон и Мэдисон были вынуждены уста-

новить эмбарго на всю внешнюю торговлю, чтобы привести воюющие страны в чувство. Впрочем, ожидаемого эффекта эта мера не принесла, и в 1810 году ее пришлось отменить.

Все эти проблемы перешли по наследству к Отцу Конституции, когда в марте того же года он занял президентское кресло. Он попытался было решить дело переговорами с враждующими сторонами, но потерпел неудачу. В то же время британцы, понимая, что их североамериканским владениям угрожает опасность, усилили поддержку индейских племен Северо-Запада во главе с их вождем Текумсе. Индейцы активно противодействовали усилиям американцев освоиться в районе Великих Озер, и такой шаг со стороны англичан был ожидаемо воспринят как откровенно враждебный. В Конгрессе все чаще стали раздаваться голоса, требующие положить конец «тирании» бывшей метрополии. В конце концов, Мэдисон решил, что у него нет выбора, и 1 июня 1812 года объявил Великобритании войну. Это решение чуть было не привело и президента, и возглавляемую им страну к полному краху.

Расчет американцев строился на том, что занятые войной в Европе британцы просто не смогут адекватно защитить территорию Канады, и вся операция в районе Озер окажется легкой прогулкой. Они жестоко просчитались. Американская регулярная армия в то время была просто крошечной, и президенту пришлось прибегнуть к набору добровольцев, боеспособность которых оставляла желать мно-

го лучшего. Вторжения в Канаду в 1812 и 1813 годах окончились оглушительным провалом. Канадская милиция при поддержке небольших регулярных отрядов и союзных индейских племен решительно отразила все попытки наступления противника и нанесла им несколько обидных поражений. Были, правда, и локальные успехи – например, захват контроля над озером Эри или разгром британско-индейской армии Текумсе в битве при Темзе, в которой сам великий вождь погиб. Неплохо также проявило себя молодое поколение американских офицеров, особенно Уинфилд Скотт, которого мы еще не раз встретим на страницах этой книги. Однако на общее положение дел это почти никак не повлияло – закрепиться на вражеской территории армии США так и не удалось. Но это было еще полбеды.

Настоящая катастрофа настигла американцев в 1814 году. Пользуясь тем, что дела в Европе пошли на лад, британцы высадили на Атлантическом побережье США небольшой экспедиционный корпус, который в ходе стремительной операции овладел столицей страны, городом Вашингтоном, и сжег там все правительственные здания, включая Белый дом и Капитолий. Это уже было не просто поражение, это был настоящий национальный позор. Впрочем, англичан было слишком мало, чтобы контролировать столь обширные территории, и в скором времени они были вынуждены отступить обратно на корабли. А в скором времени американцы реабилитировались, отразив атаку на Балтимор в ходе сра-

жения за форт Мак-Генри и остановив наступление канадских частей на север штата Нью-Йорк.

После этого обе стороны окончательно поняли – дальнейшее продолжение войны теряет всякий смысл. Без серьезного напряжения сил переломить патовую ситуацию было невозможно, но британцы были не готовы, а американцы просто не способны на такие усилия. После долгих переговоров в декабре 1814 года стороны, наконец, заключили мирное соглашение в городе Гент (нынешняя Бельгия). Война, по сути, окончилась вничью – никаких существенных территориальных изменений по итогам переговоров не последовало. Однако в эпоху до изобретения телеграфа новости распространялись крайне медленно, и известия об этом достигли Америки только в феврале следующего года. А в это время американцы одержали самую громкую, пусть и довольно бесполезную в итоге, победу в этой войне. Британцы, которые намеревались установить под свой контроль устье Миссисипи, высадились у Нового Орлеана и атаковали закрепившуюся на сильных позициях армию Эндрю Джексона. В ходе непродолжительного сражения все атаки англичан были отбиты, а сами солдаты в красных мундирах буквально умылись кровью. Американцы праздновали викторию, а генерал Джексон стал настоящим героем нации, что уже в самом скором времени будет иметь далеко идущие последствия. Впрочем, речь об этом еще впереди.

Вести о заключении мира были встречены в Америке по-

истине всенародным ликованием. Победа под Новым Орлеаном и мирный договор слились в массовом сознании воедино, и мало кто задумывался над тем, что, в сущности, между двумя этими событиями вообще нет никакой причинно-следственной связи. Несмотря на то, что сражение за столицу Луизианы состоялось уже после подписания мирного соглашения и исход его никак не повлиял на результаты конфликта, психологический эффект от столь громкой виктории оказался огромным. Журналисты, общественные деятели и даже государственные мужи в один голос заявили о моральной победе молодой республики и даже, подобно газете "Нэшнл Эдвокэт", сравнивали это противостояние с героической борьбой американских колоний за независимость в 1776 – 1783 годах, причем не в пользу последней. "Эта вторая Война за независимость продемонстрировала более блестящие достижения, чем Американская революция" – с таким высокопарным заявлением выступило это издание.

Разношерстная толпа горлопанов, борзописцев и популистов в одночасье забыла, ради чего на самом деле затевался этот конфликт. Отмена насильственной вербовки американских моряков, захват британских североамериканских колоний и прекращение поддержки враждебных индейских племен – из всех заявленных целей добиться удалось лишь последней. О сожжении Вашингтона и полном провале всех наступательных кампаний общественное мнение предпочитало не вспоминать. Тем не менее, безрезультатной эту войну

назвать никак нельзя, и наиболее дальновидные люди сделали из ее уроков соответствующие выводы.

О том, как повлияла война 1812 года на американскую армию, мы еще обязательно поговорим в дальнейшем. А сейчас узнаем, каковы были ее политические последствия, и как в целом развивалась страна в 20-х – 30-х годах XIX века.

Эра доброго согласия

Итак, война окончилась, и первым ее результатом стал полный крах ранее могущественной партии федералистов. Печально знаменитый Хартфордский съезд 1814 года ознаменовал фактическое самоубийство партии, ранее ассоциировавшейся с такими мастодонтами американской политики, как Александр Гамильтон и Джон Адамс. Собравшиеся на него делегаты осудили не только войну с Англией, но и другие инициативы правящей демократическо-республиканской партии, такие как эмбарго 1807 года и даже Луизианскую покупку. Съезд (а точнее серия встреч видных представителей партии) ставил целью консолидировать усилия федералистов, позиции которых к тому моменту были довольно шаткими – усилия Томаса Джефферсона и его последователей сильно ударили по некогда самой влиятельной политической силе в стране. Но жаждущие реванша федералисты на деле достигли лишь обратного – по результатам собрания их партия практически перестала существовать. Все

дело в том, что время для подобного мероприятия было выбрано крайне неудачно – всего через несколько недель после его завершения пришли вести о невероятной победе Эндрю Джексона под Новым Орлеаном, и республиканский истеблишмент громогласно заявил об удачном завершении войны и триумфе своей политики. На фоне всеобщего воодушевления действия федералистов приобрели в глазах электората оттенок откровенного предательства, и со столь славной в прошлом партией было, по сути, покончено. Формально она еще просуществует аж до 1828 года, но на деле уже не будет играть в политике страны хоть сколько-нибудь заметной роли, и все это время будет тихо умирать, оставив в наследство лишь добрую память о своих великих основателях.

Отныне демократическо-республиканская партия в гордом одиночестве восседала на американском политическом Олимпе. В 1816 году закончился второй президентский срок Джеймса Мэдисона, и новым главой Белого дома был избран самый яркий её представитель – Джеймс Монро.

Время правления Джеймса Монро рассматривается большинством американцев как один из самых спокойных и успешных периодов в истории страны, получивший наименование "Эры доброго согласия". И следует признать, что во многих отношениях так оно и было. Федералисты сошли с политической сцены, и межпартийные склоки прекратились сами собой. Воинственные племена индейцев, ограничивавшие развитие страны и мешавшие переселенцам осва-

ивать просторы Запада, лишились поддержки британцев, и их окончательное поражение в борьбе за земли являлось лишь вопросом времени. Да, они еще будут докучать правительству США на протяжении всего столетия, но серьезной организованной силы не будут представлять уже более никогда. Настало время заняться колонизацией новых земель, а также развитием экономики и улучшением инфраструктуры. Несмотря на то, что сутью программы демократическо-республиканской партии было снижение роли федерального правительства и снижение налогов, Монро делает нечто совершенно обратное. Подобно Джефферсону, новый президент считал, что ради развития страны можно и поступиться партийными принципами.

(б) Джеймс Монро, пятый президент США

В итоге, по его инициативе принимается программа строительства дорог и каналов, целью которой было улучшение транспортной связности страны. Для этой задачи пришлось ввести новые федеральные налоги, о чем ранние республиканцы-демократы и помыслить не могли. Однако теперь все здравомыслящие люди понимали, что без этого дальнейшее развитие страны попросту невозможно, и проект Монро принимается. Президент идет дальше и вводит тарифы для стимулирования американской промышленности. Это уже начинает напрямую угрожать интересам южных штатов, для которых критически важны низкие налоги для ввоза готовой продукции, которую сам Юг фактически не производит. Но Монро удается договориться и с ними, убедив их в том, что налоговые поступления пойдут на развитие инфраструктуры, которая позволит колонизировать западные земли поистине ударными темпами. Так оно и происходит.

Поток переселенцев направляется все дальше на запад, постепенно осваивая территорию бывшей французской Луизианы. Словно грибы после дождя, на этих землях начинают появляться новые штаты. В короткий промежуток времени с 1816 по 1819 годы в состав Союза были приняты Индиана, Миссисипи, Иллинойс и Алабама. Более того, в 1819 году был заключен знаменитый договор Адамса – Ониса, согласно которому Испания уступала всю оставшуюся территорию Флориды Соединенным Штатам в обмен на то, что те возьмут на себя обязательства по долгам Мадрида перед амери-

канскими гражданами. Договор окончательно закрепил границы между США и Новой Испанией, поставив точку в территориальных спорах после покупки Луизианы. И тут для страны прозвенел весьма тревожный звоночек.

(7) США в 1820 году. Будущий штат Миссури находится в центре

Следующим штатом на очереди был Миссури. Все уже было к этому готово, законодательное собрание уже подготовило проект Конституции, но неожиданно свой удар нанесла коалиция северных республиканцев и оставшихся федералистов. Они внесли предложение о полном запрещении раб-

ства не только в Миссури, но и на всех территориях будущих штатов, принимаемых в состав Союза. Это предложение, известное как поправка Толлмэджа по имени инициировавшего его конгрессмена из Нью-Йорка, произвело эффект разорвавшейся бомбы. В Конгрессе и Сенате разгорелись ожесточенные дебаты между северянами, поддержавшими поправку, и южанами, для которых любое конституционное ограничение рабства было просто немыслимо. Уже тогда во весь рост проявились противоречия между Севером, делавшим ставку на промышленное развитие, и Югом, основой экономики которого было плантационное хозяйство. Президенту, чьей прямой задачей было поддержание единства страны и конституционного порядка, необходимо было срочно что-то предпринять. И Монро, один из самых выдающихся президентов в истории страны, блестяще справился с задачей.

Он уцепился за инициативу сенатора от Иллинойса Джесси Томаса, который предложил такой выход из сложившейся ситуации – Миссури принимается как рабовладельческий штат, но на территориях всех нынешних и будущих штатов выше широты 36º 30' рабство полностью запрещается. Это было поистине Соломоново решение, которое могло успокоить обе стороны и сохранить баланс между двумя политическими полюсами страны. Монро поддерживает его и дополняет инициативу Томаса предложением о том, что отныне штаты должны приниматься в состав Союза исключительно парами: в противовес каждому рабовладельческому шта-

ту на Юге, на Севере создается штат свободный. В таком виде законопроект, известный как Миссурийский компромисс, был принят Конгрессом, и наряду с Миссури в состав страны был принят Мэн, выделившийся из состава старого штата Массачусетс. Это правило будет сохраняться в течение более чем 20 лет – компанию Арканзасу составит Мичиган, а Флориде и Техасу – Айова и Висконсин. И только событие, которому и посвящена эта книга, положит конец великому достижению Джеймса Монро. Но мы забежали вперед.

Миссурийский компромисс действительно стал еще одним крупным успехом Монро, ведь он позволил, пусть и на время, но сгладить противоречия между Севером и Югом и успокоить политические страсти, вновь разбушевавшиеся в стране после нескольких лет покоя. Репутация президента взлетела до небес, и на выборах 1820 года он фактически оказался единственным кандидатом. Монро получает все голоса выборщиков, за исключением одного – представитель Нью-Гемпшира Уильям Пламер отдал свой голос за госсекретаря Джона Куинси Адамса. По мнению многих, он сделал это лишь ради того, чтобы единственным единогласно избранным президентом в истории страны остался Джордж Вашингтон, поистине сакральная для американцев фигура.

Как бы то ни было, получив ошеломляющую поддержку на выборах и достигнув крупных успехов во внутренней политике, Монро теперь решил обратить внимание на внешние дела. Уже во время первого срока он заключил два важней-

ших соглашения с европейскими державами – вышеупомянутый договор Адамса-Ониса с Испанией и договор 1818 года с Британией, установивший окончательную границу между Штатами и Британской Канадой, которая спрямлялась и проходила теперь почти строго по 49-й параллели. Однако самое крупное достижение в сфере внешней политики было у него еще впереди.

Монро всегда с большой симпатией относился к национально-освободительным движениям в Латинской Америке, которые, начавшись еще во время Наполеоновских войн, обрели к началу 1820-х годов небывалый размах. Бывшие испанские колонии в Новом Свете не хотели иметь ничего общего с бывшей метрополией, которая по результатам Пиренейской войны оказалась в глубоком кризисе и погрузилась в пучину махровой реакции, практически обнулившую все достижения национально-освободительной борьбы против французов. И если в самой Испании выступления против крайне непопулярного и вопиюще некомпетентного короля Фердинанда VII были подавлены в 1823 году благодаря французской интервенции (вот уж поистине злая ирония судьбы), совершенной с санкции Священного Союза, то вот с мятежными колониями ослабленная и нищая Испания поделать ничего не могла. В 1822 году Монро официально признал независимость Мексики (о ранней истории будущего противника Штатов мы еще обязательно поговорим в следующей главе), Аргентины, Колумбии, Чили и Перу. Поми-

мо сентиментальных причин – общественное мнение в США было крайне благожелательно настроено к братским американским республикам – существовали здесь и соображения сугубо материальные. Новые страны – это новые рынки сбыта, и кому как не американцам теперь снимать сливки с выгодных торговых контрактов. В этом с ними по тем же самым соображениям были солидарны и британцы – Владычице морей сам Бог велел поддержать новые независимые государства.

Жестокое подавление Испанской революции вызвало в США бурю возмущения. Возникли опасения (впоследствии, впрочем, оказавшиеся беспочвенными), что интервенции Священного Союза могут подвергнуться и новообразованные американские государства. В результате в декабре 1823 года в ежегодном послании Конгрессу президент зачитывает документ, который впоследствии будет известен как знаменитая Доктрина Монро. Согласно ей, США не лезли в дела Старого Света и не посягали на уже существующие европейские колонии в Новом, но при этом, в свою очередь, требовали невмешательства европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария. Сейчас это программное заявление обросло огромным количеством мифов и воспринимается многими как первый шаг в поистине иезуитском плане США по порабощению обеих Америк и превращению их стран в сырьевые придатки Штатов. На деле, конечно же, на тот момент никто об этом и помыслить не мог. Документ

был очень выверенным и содержал максимально аккуратные формулировки, но главное – его основным предназначением было призвать все независимые государства Нового Света к единству и обеспечить Штатам режим максимально благоприятствования в торговле. Это уже потом, ближе к концу века, США будут ссылаться на него как на обоснование своей экономической экспансии в страны Южной Америки, а тогда Доктрина Монро прежде всего обеспечила и новым республикам, и самим Штатам столь необходимую им безопасность от внешних врагов, что позволило стране развиваться, не тратя огромные суммы на оборону. Это был последний, и, пожалуй, самый крупный успех Джеймса Монро, поистине выдающегося государственного деятеля, принесшего нации столько пользы, что, на взгляд автора, его имя достойно стоять в одном ряду с такими гигантами американской истории как Вашингтон, Джефферсон, Линкольн или Франклин Рузвельт.

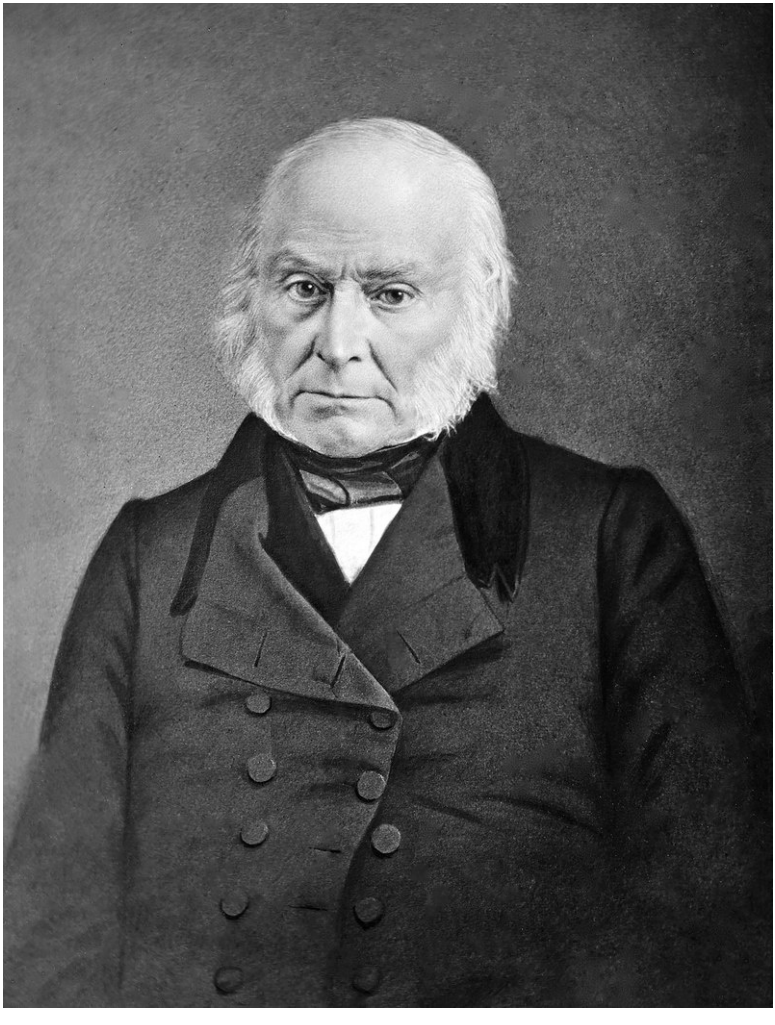
Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и с окончанием второго президентского срока Монро завершилась и Эра доброго согласия. Отсутствие конкуренции пагубно сказалось на республиканско-демократической партии, и в ней наметился серьезный раскол. Уже следующие выборы 1824 года ознаменовались политическим кризисом – от одной единственной партии в гонке участвовало целых четыре кандидата. Это были Эндрю Джексон, победитель при Новом Орлеане и герой войн с индейцами, Джон Куинси Адамс,

бессменный госсекретарь в кабинете Монро, авторитетнейший конгрессмен Генри Клей, которого мы еще не раз встретим на страницах нашего повествования, а также секретарь казначейства Уильям Кроуфорд. На разительном контрасте со спокойными и предсказуемыми выборами 1820 года эта избирательная кампания ознаменовалась рядом скандалов, взаимных упреков и обвинений. В результате, ни одному из четырех кандидатов не удалось набрать большинства голосов выборщиков, и победитель определился голосованием в Конгрессе. Несмотря на то, что больше всего голосов получил Джексон, удачно сыгравший на имидже старого вояки и крутого парня, Конгресс, ведомый Клеем, избрал президентом Адамса.

Адамс и его несбывшиеся надежды

Выборы 1824 года ознаменовали окончательный раскол в республиканско-демократической партии, которая с этого момента распалась на хорошо знакомую нам теперь демократическую партию, ведомую Джексоном, и на национальную республиканскую партию, впоследствии трансформировавшуюся в партию вигов, первую скрипку в которой играл Клей. Первые пытались продолжать старую добрую политику Джефферсона, только в гораздо более радикальном варианте. Низкие налоги, личные свободы, низкие тарифы, режим наибольшего благоприятствования для плантационного

хозяйства – именно на это опирались Джексон и его сторонники, электоральную базу которых представляли в основном Юг и Запад. В противовес этому Адамс, Клей и их команда ставили на сильную центральную власть, централизованное управление финансовой сферой, поддержку национальной промышленности. Естественно, в этом они опирались на старый Северо-Восток и Северо-Запад.

(8) Джон Куинси Адамс, шестой президент США

В отличие от яркого и насыщенного событиями президентства Монро, первый и единственный срок Адамса был довольно спокойным и сравнительно бедным на события. Адамс был, безусловно, выдающимся политиком и дипломатом, но подобно своему отцу, Джон Квинси привык играть вторым номером и блестяще проявил себя именно в этой роли в качестве госсекретаря в кабинете Монро. Став президентом, он, в общем и целом, следовал политике бывшего шефа, но, так как, в отличие от него, он не мог полагаться на поддержку Конгресса, многие из его инициатив были в итоге заблокированы. Тем не менее, его пребывание в Белом доме можно назвать довольно продуктивным, ведь ему удалось осуществить несколько важных инфраструктурных проектов. Достаточно отметить, что именно при нем в стране появилась первая пассажирская железнодорожная линия, знаменитая дорога Балтимор – Огайо.

Пожалуй, самым противоречивым событием во время правления Адамса стал так называемый "мерзкий тариф", принятый уже под конец его срока, в 1828 году. Он устанавливал совершенно неподъемные пошлины на целые группы импортируемых товаров, и, в общем-то, изначально был создан именно с целью позорно провалиться и подорвать позиции фракции Адамса-Клея. Однако политические махинации и внутри- и межпартийные интриги привели к тому,

что неожиданно для всех он был принят Конгрессом и стал настоящей красной тряпкой для южных плантаторов. В итоге проиграли все – и южане, понесшие огромные убытки, и северяне, политические позиции которых сильно пострадали в результате принятия этого закона. Как результат, Адамс разгромно проигрывает выборы 1828 года, и в истории США начинается новая эпоха – эпоха Джексона.

Джексоновская демократия

Итак, победив действующего президента со счетом 178 – 83, седьмым президентом США становится Эндрю Джексон. Правление Джексона и его последователей было, пожалуй, самым противоречивым временем в ранней истории США. С одной стороны, Джексон и декларативно, и во многом на деле был продолжателем идей Джефферсона о личной свободе, расширении прав граждан и территориальной экспансии на Запад. С другой стороны, его методы были порой столь радикальными, что будь Мудрец из Монтичелло еще жив, он, скорее всего, схватился бы за голову от того, что учинил его почитатель.

Пожалуй, самым сомнительным действием Джексона, по крайне мере, с сегодняшней точки зрения, стал Закон о переселении индейцев 1830 года. Согласно ему, в нарушение всех существующих договоренностей с индейскими племенами юго-восточных штатов, коренное население перемеща-

лось на земли к западу от Миссисипи в обмен на определенные денежные компенсации. Что самое неприятное, это подавалось как благое деяние в отношении индейцев, чей жизненный уклад, по мнению Джексона и его сторонников, был абсолютно несовместим с образом жизни белого человека. Это особенно смешно, если учесть, что большинство коренных народов Юго-Востока относилось к так называемым Пяти цивилизованным племенам, которые давно усвоили технологические достижения своих белых соседей, культивировали сельское хозяйство, а многие из них приняли христианство. Но так как они все-таки отличались от своих соседей как внешне, так и во многом культурно, они тут же сделались мишенью расовых и этнических предрассудков. А реально за этим стоял, как обычно, экономический интерес. Как известно, плантационное хозяйство может развиваться только экстенсивно, и рабовладельческим элитам Юга как воздух нужны были новые территории. Благодаря поддержке южных штатов, особенно Джорджии, президенту удалось протащить закон в Конгрессе, и начался процесс депортации индейцев на земли нынешнего штата Оклахома, который был организован из рук вон плохо (возможно, сознательно) и сопровождался многочисленными нарушениями, в итоге получив название "Дорога слез". Точное количество погибших на этом пути определить крайне сложно, но современные историки считают, что их могло быть до 15 тысяч человек.

(9) Эндрю Джексон, седьмой президент США

Некоторые племена, особенно семинолы, не смирились с такой судьбой и попытались оказать вооруженное сопротивление, но силы были слишком не равны. Земли Юго-Востока теперь принадлежали в основном крупным плантаторам-рабовладельцам, которые и составили саму влиятельную группу поддержки действующего президента.

Что касается рабовладения как такового, то оно, разумеется, было крайне широко представлено на территориях южных штатов и до Джексона, но именно при нем оно достигло максимального размаха, а класс плантаторов-рабовладельцев приобрел небывалый политический вес. Большинство инициатив Джексона во время его президентства предпринималось именно в их интересах. Однако в 1832 году произошло событие, которое ознаменовало определенный раскол в их кругах и чуть было не привело к очередному кризису, связанному с возможным отделением штата от Союза. На сей раз возмутителем спокойствия стала Южная Каролина, настоящая душа и сердце Юга.

Как мы помним, "мерзкий тариф", принятый еще при Адамсе, по окончанию его срока полномочий никуда не делся и был для южан настоящей костью в горле. Горячим противником тарифа был никто иной, как Джон Кэлхун, видный южнокаролинский политик, занимавший при Джексоне должность вице-президента. Будучи убежденным сторонником прав штатов, Кэлхун считал, что федеральные законы,

противоречащие уже принятым законам штата и нарушающие их права, могли быть объявлены недействительными. Хотя Джексон и был обеими руками за сильные полномочия отдельных штатов, это уже было слишком даже для него, и в обращении к Конгрессу он резко осудил Доктрину обнуления Кэлхуна. В итоге произошел очередной партийный раскол, теперь уже внутри самой демократической партии, разделившейся на сторонников Джексона и Кэлхуна. Кэлхуну даже пришлось впоследствии подать в отставку с поста вице-президента – редчайший случай в истории США. Но главное – теперь на повестке дня стоял не столько тариф как таковой, сколько принципиальный вопрос: что первичнее – права штатов или федеральный закон? Наиболее радикальные политики в Южной Каролине даже угрожали сецессией своего штата, если тариф не будет отменен. Джексон в ответ назвал такие заявления антиконституционными и пригрозил ввести в штат федеральные войска. Он понимал, что если сейчас уступит, то его имидж боевого генерала и крутого парня может очень сильно пострадать.

Дело откровенно запахло жареным, но тут на сцену вышел Генри Клей. Сам будучи известным протекционистом и сторонником промышленного развития страны, он отдавал себе отчет в том, что ничего хорошего из эскалации кризиса не выйдет, и решил объединиться со своим идейным противником Кэлхуном, чтобы совместными усилиями прийти к какому-то компромиссу. Несмотря на существовавшие между

ними принципиальные разногласия, Клей и Кэлхун питали друг к другу определенное уважение, что и помогло им отыскать выход из ситуации. По предложению Клея, тариф каждый год постепенно снижался, и к 1843 году должен был выйти на уровень старого тарифа 1816 года. Большинство конгрессменов-южан были от этого плана не в восторге, но они понимали, что это, пожалуй, наилучшее решение, и в итоге поддержали его. Понимал это и Джексон. Будучи в ярости от того, что его противники объединились против него, он, тем не менее, одобрил законопроект, и на этот раз кризис удалось погасить.

Джексон отыгрался на национальном Втором банке Соединенных Штатов, который поддерживали Клей и его соратник из Массачусетса Дэниел Уэбстер. Банк уже давно был бельмом на глазу президента, который считал его коррумпированным и бесполезным учреждением, служащим исключительно интересам богачей. Выиграв выборы 1832 года у Клея с достаточно комфортным преимуществом, Джексон приложил все усилия, чтобы покончить с этим ненавистным институтом. Уж в чем-чем, а в упорстве бывшему генералу отказать было нельзя, и под конец своего правления он, наконец, добился своей цели. До конца своих дней именно ликвидацию Банка он будет считать своим главным достижением в жизни.

К этому моменту у читателя может сложиться достаточно предвзятая картина пребывания Эндрю Джексона у вла-

сти. Он может показаться ему идеологическим фанатиком, откровенным расистом, самодуром с замашками диктатора. В реальности все было намного сложнее – ведь не просто же так Джексон выиграл две избирательные кампании, причем с заметным преимуществом. Были у его правления и откровенно позитивные моменты – к примеру, именно при нем большинство штатов приняли всеобщее избирательное право (разумеется, только для белых мужчин) с отменой имущественного ценза. Страна продолжала развиваться – хотя Джексон и был не в восторге от трат на развитие инфраструктуры за счет федерального бюджета, он признавал их необходимость. За счет сокращения государственных расходов ему, наконец, удалось погасить огромный государственный долг, обременявший Штаты со времен окончания Войны 1812 года. Он также искренне выступал за права обычного человека и инициировал несколько законопроектов, расширявших права и свободы граждан (опять же, исключительно белых людей мужского пола).

Все это привело к тому, что президент был очень популярен среди простого народа, но вот что касается политических элит, то здесь у него появились серьезная оппозиция, возглавляемая весьма влиятельными людьми. В первую очередь, это, конечно, были Уэбстер и Клей, трансформировавшие достаточно аморфную национальную республиканскую партию в новую партию Вигов. С южного фланга ему угрожал все тот же Кэлхун, считавший Джексона тираном, ко-

торый злоупотребляет полномочиями и сажает на важные должности людей по принципу личной лояльности, не обращая никакого внимания на их способности. В этом он нашел полное взаимопонимание со своими оппонентами с Севера.

Как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что ни один из американских президентов не оставил после себя столь противоречивого наследия. До сих пор исследователи продолжают спорить относительно его фигуры и того вклада, который он внес в развитие страны. Пожалуй, лучше всего на этот счет высказался его биограф Джеймс Партон:

> "Эндрю Джексон был одновременно патриотом и предателем. Он был одним из величайших генералов и при этом совершенно не разбирался в военном искусстве. Блестящий писатель, элегантный, красноречивый, но не умеющий составить правильное предложение или написать слово из четырех слогов. Будучи самым искренним из людей, он был способен на самое откровенное лицемерие. Самый законопослушный гражданин, плевавший на законы. Сторонник дисциплины, он с легкостью плевал на распоряжения своего начальства. Демократический тиран. Учтивый дикарь. Жестокий святой."

В этих удивительно метких словах заключается вся парадоксальность эпохи Джексона и неоднозначность его наследия. К сожалению, в рамках этой работы мы вынуждены рассказать о ней лишь самыми широкими мазками, хотя эта

фигура, безусловно, заслуживает отдельного детального рассмотрения. Однако памятуя о главной теме нашего исследования, мы просто не можем пройти мимо еще одного крайне важного события, произошедшего уже под конец второго президентского срока Эндрю Джексона. И не просто под конец, а буквально в последний день пребывания президента в своей должности. Речь идет об официальном признании Республики Техас. Но прежде, чем мы расскажем об этом важнейшем событии, нам необходимо будет переместиться южнее и узнать, что же происходило все это время в еще одной молодой американской республике.

Глава 2. Мексика и Техас

Подобно Соединенным Штатам, Мексика – это тоже очень молодая страна. И в отличие от своего «старшего брата», ранняя история этого государства известна у нас намного меньше, а посему нам просто необходимо сделать небольшой экскурс в эту интереснейшую тему и узнать, какие события разворачивались на территории бывшей Новой Испании в те времена. Особенный интерес для нас будет представлять Техас, ведь именно эта территория и стала, в конце концов, тем яблоком раздора, из-за которого война между двумя североамериканскими республиками стала лишь вопросом времени.

Колониальная Мексика

Согласно современным археологическим данным, люди появились на территории Мексики 12-15 тысяч лет назад. К концу второго – началу первого тысячелетия до н.э. начинают складываться первые цивилизации. Наиболее важными из них были ольмеки, которых можно назвать "материнской" культурой для всех последующих цивилизаций Мезоамерики, майя, построившие знаменитые пирамиды на полуострове Юкатан, и, конечно, ацтеки. Своего расцвета Им-

перия ацтеков достигла в конце XV века, создав развитую и самобытную, но при этом крайне жестокую культуру, основанную на человеческих жертвоприношениях. Однако ацтеки недолго наслаждались процветанием. Уже в 1521 году знаменитый конкистадор Эрнан Кортес при помощи местных племен, угнетаемых ацтеками, захватил столицу империи город Теночтитлан и объявил все ее территории владением испанской короны.

Начался 300-летний период испанского колониального господства. Мексика в то время входила в вице-королевство Новая Испания, которое включало в себя все испанские колонии в Северной и Центральной Америке, а также Кубу, часть Эспаньолы и даже Филиппины. Мехико, построенный на месте ацтекского Теночтитлана, стал столицей и крупнейшим городом всего вице-королевства (он и сейчас остается крупнейшим мегаполисом в Северной Америке с населением в 22 миллиона человек).

Мексика играла огромную роль в экономике испанского Нового Света благодаря своим плодородным почвам, удобным гаваням и, в особенности, богатым залежам серебра, которые во многом и обеспечивали процветание Габсбургской монархии. В это время также складывается крайне самобытная культура, которая являла собой причудливую смесь испанских католических, а также местных индейских традиций, породив уникальные обычаи, музыку, народное творчество.

Своего максимального размера Новая Испания достигла к концу XVIII века, когда Франция, проигравшая Семилетнюю войну, была вынуждена уступить территорию Луизианы своим испанским союзникам. Несмотря на это, дни испанской колониальной империи были уже сочтены. Почти весь XVIII век Пиренейская монархия находилась в перманентном экономическом кризисе, вызванном инфляцией (которая во многом объяснялась как раз переизбытком колониальных ресурсов), а также архаичностью государственного устройства. И если какое-то время, благодаря сложившейся внешнеполитической обстановке и грамотной политике правителей, прежде всего Карла III, колониальные владения удавалось сохранить и даже немного расширить, то вот события конца XVIII – начала XIX века нанесли ей смертельный удар.

(10) Новая Испания в 1800 году

Революционные и Наполеоновские войны стали тяжелейшим испытанием для Испании. Шатаясь из одного лагеря в другой, страна в итоге стала жертвой французской интервенции и вынуждена была вести борьбу не на жизнь, а на смерть против иноземных захватчиков, во время которой было уже, естественно, не до колоний. И если в метрополии, благодаря героизму своего народа и помощи Британии, испанцам удалось, в конце концов, изгнать оккупантов, то вот с на-

чавшимися национально-освободительными движениями в Новом Свете они поделать уже ничего не могли. Практически обнищавшая страна под управлением бездарного короля Фердинанда VII по окончанию большой европейской бойни вступила в эпоху дремучей реакции и была просто обречена проиграть борьбу за свои заморские территории. Вооруженные республиканскими идеями либертадорес (освободители) в результате длительных войн смогли изгнать бывших хозяев и организовали в Южной и Центральной Америке новые независимые государства. История освободительной борьбы в Латинской Америке – это отдельная, поистине бездонная тема, а такие личности, как Боливар, Сан-Мартин и Идальго, каждая сама по себе достойна отдельного серьезного исследования. Поэтому рекомендуем всем желающим изучить эти вопросы самостоятельно, а мы посмотрим, что же происходило в Мексике в первые годы после обретения независимости.

Бесконечный хаос

24 августа 1821 года после десяти лет борьбы Мексика, согласно Кордовскому договору, обрела независимость от Испании. Этого удалось добиться во многом благодаря действиям полковника Агустина Итурбиде, креола (выходца из испанской семьи, но родившегося в колонии), который изначально выступил против инсургентов, но позднее примкнул

к ним и, таким образом, склонил чашу весов на сторону восставших. Благодаря политическим интригам и заигрыванию с бывшей метрополией Итурбиде смог набрать серьезный политический вес, что позволило ему не просто захватить власть в стране, но и провозгласить создание Первой Мексиканской империи, разумеется, объявив монархом самого себя. Несмотря на то, что власть императора теоретически ограничивалась конституцией, новоиспеченному Агустину I, было, в общем-то наплевать на это, и поначалу он пользовался практически неограниченными полномочиями. Он сам по своему усмотрению назначал министров, вел показательно роскошный образ жизни и даже осуществил интервенцию в испанские провинции в Центральной Америке, которые, впрочем, не особо сопротивлялись.

Однако столь недальновидные шаги августейшей особы не могли не вызвать озлобления как среди элит, недовольных патерналистской политикой императора, так и среди простого народа, которого буквально тошнило от монарших излишеств. В результате, уже 1 декабря 1822 года в Веракрусе генерал Антонио Лопес де Санта-Анна поднимает восстание против зазнавшегося самодержца. Итак, дорогие читатели, здесь мы впервые встречаем одного из главных героев (или, если хотите, антигероев) нашего повествования. Это был удивительный человек, который на протяжении своей крайне насыщенной жизни одерживал громкие победы и терпел страшные поражения, но при этом всегда умудрялся

возвращаться в большую игру и снова занимал центральное место в мексиканской политике. Он был искренним патриотом, но при этом жутким эгоманьяком и коррупционером, проявлял удивительную храбрость и одновременно невиданную жестокость, а проблески военных дарований сочетались у него с вопиющей некомпетентностью. Можно с уверенностью сказать, что он был живым воплощением ранней истории Мексики со всеми присущими ей противоречиями, хаосом и нестабильностью.

Антонио де Падуа Мария Северино Лопес де Санта-Анна-и-Перес де Леброн, как звучит его полное имя, был выходцем из состоятельной креольской семьи, благодаря чему смог получить неплохое образование и поступить на службу в колониальные части испанской армии. Во время войны за независимость Мексики он поначалу, как и большинство офицеров, поддерживал королевскую власть и участвовал в подавлении многочисленных волнений и мятежей непокорных индейцев, где смог отличиться и обратить на себя внимание начальства. Однако в 1821 году, следуя примеру Итурбиде, он переходит на строну восставших, занимает Веракрус и в благодарность получает от него чин генерала и должность командира гарнизона города. Понимая, что Итурбиде начинает терять поддержку в стране, Санта-Анна проявляет, пожалуй, свой главный талант – политическое чутье, и предает своего шефа, провозгласив Мексику республикой.

Один их крупнейших отечественных специалистов по

мексиканской истории Иван Косиченко как-то сказал: если вы хотите завоевать Мексику, вы должны захватить Веракрус. Почему? Все очень просто – это крупнейший порт страны, почти вся международная торговля идет через него, там таможня, там основные денежные потоки. И Санта-Анна быстро осознал все выгоды своего положения, в кратчайшие сроки превратившись практически в единоличного каудильо (вождя) всей провинции. Удачное выступление Санта-Анны стало спусковым механизмом для всеобщего восстания, и вскоре к нему присоединились видные военачальники Гуадулупе Виктория и Николас Браво. Итурбиде, который за короткий промежуток времени успел изрядно наломать дров, стремительно терял поддержку. Восстание приобрело такой размах, что ему ничего не оставалось, кроме как отречься от престола, что он и сделал 29 марта 1823 года, тут же бежав из страны. 4 октября 1823 года в стране была принята республиканская конституция, а первым президентом страны стал генерал Гуадулупе Виктория. Санта-Анна пока что предпочитал держаться в тени, ожидая своего шанса.

(11) Генерал Антонио Лопес де Санта-Анна

Однако Итурбиде, которому, по-видимому, не давали покоя лавры Наполеона, решил устроить собственные Сто дней. 14 июля 1824 года он возвращается в страну, высадившись в порту небольшого городка Сото-ла-Марина. Лучше бы он этого не делал, ибо жить ему после этого оставалось совсем недолго. По прибытию на берег он был тут же арестован местными властями, предстал перед судом по обвинению в мятеже, признан виновным и приговорен к расстрелу, а уже 19 июля приговор был приведен в исполнение. Вот таким печальным и нелепым образом завершилась история первого императора Мексики.

Однако в это время у молодой республики были свои проблемы, помимо самопровозглашенных императоров. 1 июля 1823 года от страны отделяются центральноамериканские территории, образовав собственное государство – Соединенные Провинции Центральной Америки, которое, впрочем, просуществует весьма недолго. В 1840 году оно распадется на знакомые нам сейчас Никарагуа, Гватемалу, Гондурас, Сальвадор и Коста-Рику. Что же касается самой Мексики, то согласно новой конституции, она, подобно северному соседу, объявлялась федеративным государством и делилась на 19 штатов и 4 территории. Но если американцам удалось соблюсти необходимый баланс между центральной властью и властями штатов, то мексиканские штаты фактически были предоставлены сами себе и управлялись, в общем-то, как хотели. Также, по образу и подобию США, в стране появил-

ся двухпалатный Конгресс, который представлял законодательную власть, а президент осуществлял власть исполнительную. Только вот, опять же, в отличие от североамериканцев, мексиканцам не удалось выработать грамотный механизм взаимодействия между двумя этими ветвями, что породило огромное количество проблем. В Конгрессе постоянно происходили столкновения между двумя партиями (вернее партийными коалициями): централистами – консерваторами, выступавшими за консолидацию власти, а порой, и за восстановление монархии, и федералистами – либералами, ратовавшими за сохранение текущего строя. Вдобавок, обе эти силы группировались вокруг двух крупнейших масонских лож, что придавало мексиканской политике откровенно одиозный, заговорщицкий характер. Воистину, ранняя мексиканская история – просто рай для разнообразных любителей конспирологических теорий и "разоблачителей" тайных мировых правительств! Не лучше обстояли дела и в народном хозяйстве – в неспокойные революционные времена страна успела влезть в огромные долги, а традиционным областям экономики, таким как сельское хозяйство и добыча серебра, был нанесен серьезный ущерб.

Разумеется, все это не могло не привести к колоссальной нестабильности в политике и в обществе в целом. С 1824 по 1857 год смена президента происходила более 40 раз! Количество же разнообразных восстаний, мятежей и гражданских беспорядков просто не поддается исчислению. Творящимся

в стране бардаком пытаются воспользоваться испанцы в надежде вернуть бывшую колонию себе. В июле 1829 года они высаживают в порту Тампико отряд силой в 3500 человек. На что они рассчитывали с такими скромными силами, решительно непонятно, и уже в сентябре их наголову разбивает Санта-Анна, который после этого становится национальным героем. На волне этой популярности в 1833 году Конгресс избирает его президентом, однако поначалу он практически не участвует в управлении государством и возлагает все обязанности на вице-президента Валентина Гомеса Фариаса, видимо, ожидая, пока тот сам дискредитирует себя.

Если так, то расчет хитрого лиса полностью оправдался. Будучи убежденным федералистом, Фариас проводит либеральные реформы, направленные на ограничение власти центрального правительства, сокращение финансирования армии и отмену церковных привилегий, чем настраивает против себя как партию централистов, так и широкие слои населения. Консервативно настроенные массы были особенно возмущены экспроприацией имущества Церкви и отменой десятины, что рассматривалась народом как покушение на священные привилегии духовенства. Уже через год централисты сами обратились к Санта-Анне с просьбой взять бразды правления в свои руки, и "Наполеон Запада", как он сам себя называл (опять не дают покоя людям лавры великого корсиканца), охотно соглашается на это. Сбросив с себя маску либерала, Санта-Анна смещает Фариаса, формирует

вокруг себя коалицию консерваторов и в 1835 году принимает новую конституцию, по которой основная власть сосредотачивается в руках центрального правительства, а полномочия штатов существенно сокращаются. Наш герой фактически становится без пяти минут диктатором.

Это, в свою очередь, вызывает крайнее недовольство у федералистов, и во многих штатах вспыхивают восстания, которые Санта-Анне приходится подавлять силой. И если в большинстве из них это ему, пусть и не без труда, удалось, то вот одна территория здесь стоит особняком. Речь идет о штате Коауила-и-Техас, который уже в скором времени станет причиной первого громкого поражения Человека Судьбы (еще одно громкое прозвище новоиспеченного диктатора).

Рождение Техаса

Штат Коауила-и-Техас был в 20-е – годы XIX века малонаселенной глушью со скудными ресурсами (нефть там еще не нашли) и практически отсутствующей инфраструктурой. Основные политические события в стране разворачивались вокруг столичного Мехико, а также крупных и значимых городов вроде Веракруса, Пуэблы и Монтеррея, где местные власти в обмен на поддержку той или иной силы могли рассчитывать на определенные преференции. Что же касается периферии, к которой, несомненно, и относился Коауила-и-

Техас, то ей занимались по остаточному принципу, и по сути, пограничные штаты оказались предоставлены сами себе.

Немудрено, что власти штата, желая наладить хоть какое-то подобие приличной жизни на этой территории и постоянно страдая от разгула бандитизма и нападения агрессивных племен апачей и команчей, решили прибегнуть к помощи извне. Как и сейчас, американо-мексиканская граница была буквально наводнена мигрантами, только в отличие от нынешней ситуации, основная масса переселенцев двигалась как раз с севера на юг. В чем же причина? Как мы помним, по окончанию Войны 1812 года поток американских переселенцев двинулся на запад в поисках лучшей жизни на новых территориях. Несмотря на то, что земли, в общем-то, всем хватало, за нее тоже приходилось платить, пусть и не очень большие деньги. Но даже такие средства водились далеко не у всех, и многим приходилось влезать в долги, чтобы арендовать наиболее благоприятные для хозяйства участки у предприимчивых дельцов, заранее застолбивших их за собой. Конечно, всегда можно было прибегнуть к сквоттингу и поселиться на новом месте нелегально, но это могло быть чревато определенными проблемами.

Смекнув что к чему, власти Коауилы-и-Техаса принимают законы, поощряющие приток американских мигрантов и позволяющие им приобретать земли на территориях штата за бесценок. В обмен переселенцы обязывались защищать свои земли от набегов индейцев. Для этой цели власти шта-

та и центральное правительство даже снабжали их оружием, что впоследствии им еще непременно аукнется. Наиболее влиятельные лидеры иммигрантских общин получали титул импресарио (представителей), которые регулировали процесс миграции и стимулировали дальнейший приток соотечественников с севера. Одним из них был знаменитый Стивен Остин, который получил должность импресарио в 1825 году. Все эти меры привели к тому, что число американских колонистов начало расти как на дрожжах, уже к 1830 году превысив коренное испаноязычное население восточной части штата (собственно Техаса) вдвое.

Это уже начало беспокоить центральное правительство в Мексике, ведь штат буквально на глазах становился частью США. Переселенцы были многочисленнее, богаче и сплоченнее местных и всегда могли в случае чего рассчитывать на помощь соотечественников из-за рубежа. Более того, мигранты плевали на мексиканские законы, привозя с собой своих рабов (а рабство было законодательно запрещено в Мексике в 1823 году), отказывались переходить в католичество (хотя тактично не строили протестантских церквей) и жили согласно нормам американского права. Понимая, что дело пахнет жареным, власти в Мехико приняли определенные меры, ограничивающие миграцию, но было уже поздно. Штат фактически встроился в экономическую систему США, и поделать с этим уже ничего было нельзя. Мексиканцы попытались стимулировать приток мигрантов из Европы,

но их число было просто мизерно по сравнению с северными соседями. Только этнические немцы будут представлены в Техасе хоть в сколь-нибудь заметном количестве и в дальнейшем сыграют заметную роль в жизни этой территории. Впрочем, они уже очень скоро найдут общий язык с американцами и выступят с ними единым фронтом против центральной власти.

Принятый в апреле 1830 года закон, запрещавший американцам дальнейшую миграцию на территорию Мексики и объявивший всех американских рабов свободными, на деле абсолютно не соблюдался. Экономика – это такая вещь, перед которой не устоит ни одна бумага, ни один закон, ни одно постановление. Поток переселенцев не иссякал, и в 1833 году федералистское правительство махнуло на все рукой и отменило и так фактически не действующий документ. Все изменилось в 1835 году. Придя к власти, Санта-Анна принялся давить очаги недовольства и насаждать власть централистов по всей стране. Техасцы с ужасом смотрели на кровавое подавление восстаний в Закатерасе и Коуаиле. Колонисты начинают объединиться в вооруженные отряды, а тем временем подразделения мексиканской армии появляются на территории Техаса все в большем количестве. Достаточно было всего лишь искры, чтобы все полыхнуло.

Часть 3. Революция в Техасе

История знает немало примеров, когда одно незначительное событие в обстановке всеобщего напряжения приводило к катастрофическим последствиям. Именно так начинались многие революции и народные восстания, и именно такой переломный эпизод произошел в 1835 году в мексиканском штате Коауила-и-Техас.

Первые выстрелы

Практически в самом центре Техаса, неподалеку от города Сан-Антонио, бывшего в то времена столицей штата под названием Сан-Антонио-де-Бехар, находится небольшой городок Гонсалес. Еще в 1831 году жители города попросили мексиканские власти одолжить им небольшое орудие для защиты от частых рейдов команчей. Просьба была удовлетворена, и пушка поступила в их распоряжение. 10 сентября 1835 года произошел, казалось бы, малозначительный инцидент – мексиканский солдат избил местного жителя. Однако американские колонисты были столь недовольны политикой центрального правительства, что это повлекло за собой полноценные городские волнения. Полковник Доминго де Угорчеа, командующий мексиканскими войсками в Техасе, счел,

что в таких условиях оставлять орудие в руках гражданских неразумно и послал пятерых рядовых и одного капрала вернуть его. Но жители Гонсалеса не подчинились и выпроводили солдат восвояси. Угорчеа не собирался идти на попятную и отправил отряд из ста кавалеристов лейтенанта Кастанеды с задачей отобрать орудие силой. 2 октября 1835 года их встретил отряд местной милиции численностью 150 человек под командованием Джона Мура, и разгорелось сражение, в котором мексиканцы потеряли двух человек убитыми и были вынуждены отступить несолоно хлебавши. Техасцы потерь не имели. Сама по себе эта перестрелка не стоила и выеденного яйца, однако именно она послужила сигналом к всеобщему восстанию по всему штату.

28 октября 1835 года произошло первое более-менее серьезное сражение войны за независимость Техаса – сражение при миссии Консепсьон, где 90 повстанцев Джеймса Боуи и Джеймса Фэнина успешно отразили атаку 275 солдат Угорчеа, потеряв всего одного человека. Мексиканцы недосчитались нескольких десятков солдат. 12 октября 600 человек под командованием Стивена Остина (которого впоследствии сменил Эдвард Бёрлесон) подошли к столице – городу Сан-Антонио – и взяли его в осаду. Город обороняли 1200 солдат мексиканской армии под командой генерала Мартина Перфекто де Коса, родственника Санта-Анны, которого тот послал усмирить непокорных смутьянов.

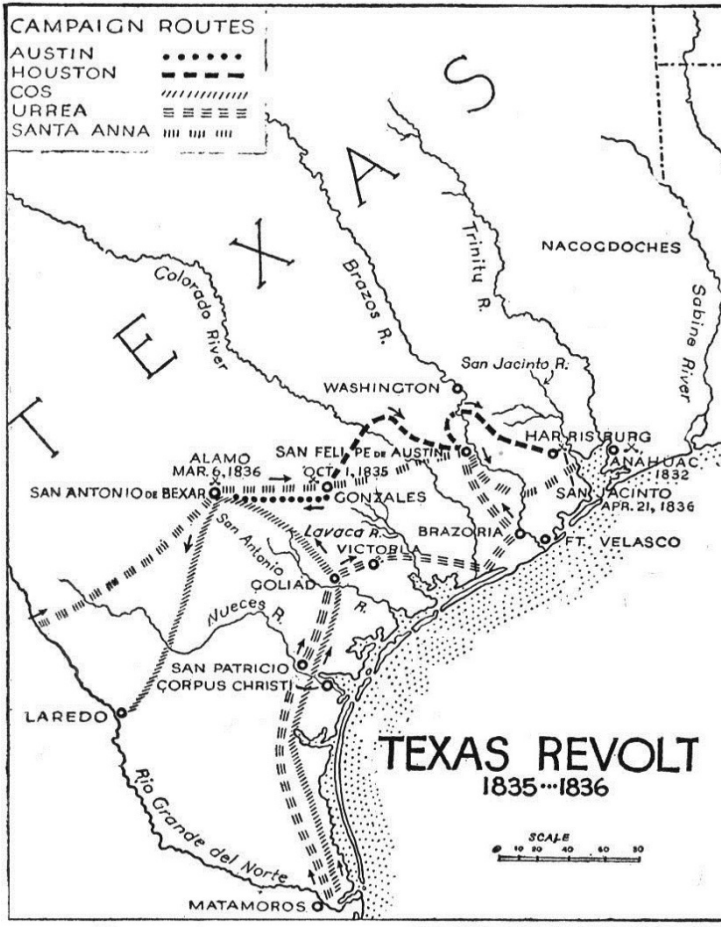
В ноябре делегаты от разных муниципалитетов Техаса со-

брались в Сан-Фелипе и учредили так называемое консультационное правительство. Они выступили за автономию Техаса в составе Мексики и избрали губернатором авторитетного Генри Смита. Несмотря на первые успехи, дела у техасцев обстояли далеко не так радужно. Техасские вооруженные силы не имели никакого общего командования, офицеры препирались по пустякам, солдаты отказывались подчиняться приказам. Многие, решив, что дело уже сделано, начали возвращаться по домам. Остин обнаружил, что к числу его несомненных талантов военное дело не относится, и почувствовал облегчение, когда его отправили в США для переговоров о займах и помощи. После решительного штурма 11 декабря капитулировал Сан-Антонио, став еще одной победой в копилке повстанцев, но с организационной точки зрения в новоиспеченном государственном образовании творилась настоящая анархия. Правительство понимало, что необходимо объединить армию под общим началом, и избрало главнокомандующим бывшего губернатора Теннесси Сэма Хьюстона, старого боевого товарища Эндрю Джексона, с которым он сражался против индейцев в 1814 году.

Наступление Санта-Анны

А тем временем Санта-Анна готовил карательную экспедицию. Взяв несколько займов под непомерные проценты, он едва сумел набрать 6000 человек, чего, впрочем, должно

было хватить, чтобы разгромить еще менее многочисленные иррегулярные техасские войска. Однако армия Санта-Анны была плохо обучена, еще хуже оснащена, а медицинская служба отсутствовала в ней как класс, что впоследствии привело к огромным небоевым потерям. Большинство солдат были насильно завербованы на службу, но было в ней и большое количество осужденных преступников, которые предпочли службу в армии тюремному сроку. В декабре 1836 года это, с позволения сказать, воинство начало поход против мятежного штата. С подачи Санта-Анны мексиканский Конгресс объявил повстанцев вне закона и постановил считать всех сражавшихся против мексиканской армии преступниками, на которых не распространяются законы и обычаи войны.

(12) Война за независимость Техаса

Санта-Анна предпринял наступление по двум направлениям: генерал Хосе Урреа с 550 солдатами двинулся вдоль побережья Мексиканского залива, в то время как сам Эль Президенте с основными силами наносил главный удар по Сан-Антонио – честь его семьи требовала отомстить за сдачу города. Единственными техасскими солдатами в Сан-Антонио были 100 человек полковника Джеймса Нилла, занимавшие старую католическую миссию Аламо, превращенную в кое-как укрепленный форт. В январе 1836 года туда прибыли небольшие подкрепления под командованием Джеймса Боуи, подполковника Уильяма Трэвиса, а также группа добровольцев во главе с героем фронтира и бывшим конгрессменом Дэви Крокеттом. 11 февраля полковник Нилл покинул форт, дабы изыскать дополнительные подкрепления. В его отсутствие оборону миссии взяли на себя Трэвис и Боуи.

Трэвис и его люди не были самоубийцами и не собирались героически погибать, защищая Аламо. Они рассчитывали продержаться до подхода Нилла с подкреплениями, которые смогут деблокировать форт. Однако Санта-Анна появился под стенами Аламо уже 22 февраля 1836 года во главе полуторатысячного войска. Защитников форта было всего 250 человек, включая гражданских. Санта-Анна поднял красный флаг, который означал, что пощады повстанцам не будет. Трэвис созвал собрание и объявил, что все желающие могут уйти, если считают, что смогут прорваться через мек-

сиканские линии, но только один мужчина и несколько женщин приняли его предложение. Вскоре к Санта-Анне прибыли дополнительные войска, доведя численность его армии до двух тысяч человек.

Самое интересное, что Санта-Анне вовсе не нужно было штурмовать Аламо. Его артиллерия, которая должна была прибыть в ближайшее время, легко пробила бы тонкие стены форта. Его разведка сообщила, что вражеских подкреплений поблизости нет, а у защитников, ослабленных дизентерией, осталось мало еды и питьевой воды. Однако Наполеон Запада приказал начать штурм ранним утром 6 марта, чтобы возможная капитуляция техасцев не лишила его славной победы. Несмотря на тяжелейшие потери, мексиканским солдатам удалось прорваться внутрь форта и перебить всех защитников. Последние полдюжины техасцев были взяты в плен благородным мексиканским офицером, который намеревался сохранить им жизнь. Но непреклонный Санта-Анна, который появился в Аламо только после окончания боя, приказал казнить всех пленных. Повинуясь приказу генерала, мексиканские солдаты зарубили несчастных саблями. Лейтенант Хосе Энрике де ла Пенья, который был восхищен храбростью противника и презирал своего собственного командира, вспоминал, что техасцы "умерли, не жалуясь и не унижаясь перед своими палачами". В итоге, почти все защитники Аламо погибли – Санта-Анна пощадил лишь нескольких женщин и двух чернокожих рабов. Потери

атакующих были довольно ощутимыми и составили, по разным данным, от 400 до 600 человек.

Санта-Анна был доволен – его армия одержала победу, а на потери ему было, в общем-то, наплевать. После взятия столицы Техаса он не сомневался, что повстанцы полностью деморализованы, и с мятежом будет покончено в самое ближайшее время. Однако он сильно ошибался. Техасцы и не думали сдаваться, а ничем не оправданная жестокость диктатора, как раз наоборот, разожгла в них жажду мести и решимость бороться до конца. Однако давайте на время покинем нашего новоиспеченного Наполеона и посмотрим, как обстояли дела у генерала Урреа.

Его отряд уверенно продвигался вдоль побережья, практически не встречая сопротивления. 27 февраля он с легкостью разбил небольшой техасский отряд у Сан-Патрисио, а 15 марта выбил повстанцев с укрепленных позиций у Рефухио. Урреа продолжал преследовать отступающего неприятеля и 19 числа настиг их у Колето. Техасцам под командованием Джейсма Фэнина удалось отразить несколько атак неприятеля, но они были истощены долгим маршем, и у них не хватало воды, чтобы напоить раненых и охладить орудия. Наутро, увидев, что к Урреа подходят подкрепления, Фэнин принял решение сдаться. Мексиканский генерал пообещал ему, что с его людьми будут хорошо обращаться и повел колонну пленных в ближайший городок Голиад. Зная о приказе Санта-Анны не щадить пленных, он предпочел попро-

сту не брать на себя такую ответственность и вскоре покинул город, хотя, к его чести, и написал письмо президенту с просьбой сделать в данном случае исключение. Надо ли говорить, что на Санта-Анну ходатайство генерала не произвело никакого впечатления – он не собирался отступать от своего слова и приказал казнить всех попавших в плен при Колето. 27 марта 445 техасцев были расстреляны, лишь 28 счастливчикам удалось притвориться мертвыми и избежать сей печальной участи. В историю это постыдное событие вошло как Голиадская резня.

Такая ничем не обусловленная жестокость, абсолютно ненормальная для Америки начала XIX века, вызвала просто шквал ярости не только в самом Техасе, но и в Соединенных Штатах. Оно и понятно, ведь большинство из погибших при Аламо и Голиаде были американцами – либо недавно поселившимися в Техасе, либо вызвавшимися помочь своим друзьям и родственникам. Если до этих событий большинство жителей Штатов относилось к событиям в Техасе со сдержанным сочувствием, то теперь многие из них горели желанием отомстить за своих соотечественников, и, как следствие, армия Сэма Хьюстона, возглавившего основные техасские силы, серьезно пополнилась за счет добровольцев. Тем не менее, ситуация для новоиспеченной республики2[1] оставалась крайне серьезной. Силы Санта-Анны

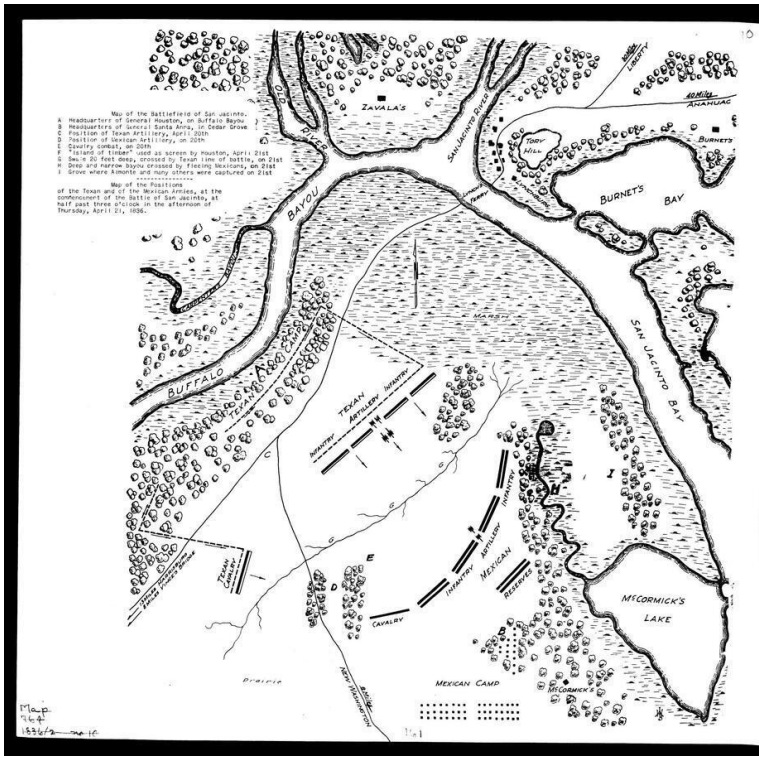
[1] На конвенции 2 марта 1836 года делегаты абсолютным большинством голосов приняли Декларацию о независимости Техаса

превосходили войска Хьюстона числом почти в 6 раз! Техасский главком понимал, что его единственный шанс – отступать в лесистые северо-восточные части страны, растягивая линии коммуникации противника и ожидая своего шанса. И такой шанс ему представился.

Сан-Хасинто и рождение одинокой звезды

19 апреля 1836 года Санта-Анна со своей потрепанной форсированными маршами армией настиг неприятеля у окрестностей города Линчбурга возле слияния рек Сан-Хасинто и Баффало-Байу. Хьюстон расположил свои войска спиной к реке Баффало в дубовой роще, чтобы скрыть свою численность и обеспечить укрытие для стрелков. Диктатор решил, что дело в шляпе – противник прижат к реке, отступать ему некогда, а потому можно остановиться, дождаться подкреплений и спокойно планировать атаку. Только вот место было выбрано крайне неудачно – лагерь разбили на открытой местности, где его армия была как на ладони. Утром 21 числа к нему пришли подкрепления под командованием Мартино Перфекто де Коса, доведя таким образом численность мексиканских войск до 1200 – 1500 человек (точное число неизвестно). Техасская армия серьезно уступала своему противнику– она насчитывала не более 800 солдат, однако у нее были свои преимущества – сильная позиция на местности и высочайший боевой дух. Солдаты Хьюстона устали

от бесконечного отступления и жаждали мести за кровь своих товарищей.

(13) Битва при Сан Хасинто

Несмотря на то, что большинство командиров в армии

Хьюстона высказалось за пассивное ожидание атаки противника в надежде воспользоваться преимуществом местности, техасский генерал понимал – нужно атаковать, ведь лучшего шанса расправиться с Санта-Анной может больше не представиться. Ненавистный враг здесь, и с ним всего лишь часть его армии – Бонапарт в миниатюре умудрился еще раз разделить свои силы, чтобы контролировать как можно большую территорию, и тем самым совершил классическую оперативную ошибку. Наметанный глаз Хьюстона тут же оценил все недостатки позиции неприятеля – мексиканцы расположились на бивак в чистом поле, но перед их лагерем был небольшой холм, который мог скрыть линии атакующих. К тому же, беспечные командиры Санта-Анны даже не выставили часовых – мысль о том, что повстанческий сброд способен на активные действия, даже не приходила им в голову. Хьюстон приказал сжечь единственный мост через реку, чтобы ни у одной из армий не было пути к отступлению – все должно было решиться здесь и сейчас.

В полчетвертого пополудни, произнеся перед солдатами пламенную речь, в которой он призвал их мстить за павших соотечественников, Хьюстон скомандовал общее наступление. Скрытно перейдя поросшее высокой травой поле, техасцы с криками "Помни Аламо!" и "Помни Голиад!" внезапно атаковали лагерь зазевавшегося противника. Сделав всего один залп, они бросились в рукопашную на ничего не подозревавших мексиканцев, и те не смогли оказать вообще ни-

какого сопротивления. Санта-Анна и его генералы пытались навести хоть какое-то подобие порядка в полном хаосе, который охватил их войско, но тщетно – армия фактически перестала существовать, превратившись в неуправляемую толпу, которая стала разбегаться кто куда. Некоторые мексиканские солдаты попытались уйти через ближайшее болото в сторону озера Пегги, но техасские стрелки, расположившиеся по его берегам, безжалостно расстреливали их из нарезных ружей. В итоге сражение превратилась в натуральную бойню – 650 мексиканцев было убито, 208 ранено и 300 попало в плен. Техасцы недосчитались всего лишь 11 человек убитыми и 30 ранеными, включая самого Хьюстона, возглавлявшего атаку.

План Хьюстона сработал блестяще – успех техасской армии действительно был грандиозным. Однако он был омрачен одним весьма тревожным обстоятельством – Санта-Анну нигде не могли найти. Войска диктатора не были единственными мексиканскими силами в Техасе – у генералов Урреа и Фелисолы в распоряжении было еще 4000 солдат, и если Санта-Анна сумеет добраться до них, то повстанцам явно не поздоровится. Но куда же он делся?

Видя, что дело запало керосином, Скверный карлик (как называли его враги) счел, что самое разумное – это сделать ноги, и поскакал к единственному мосту через Сан Хасинто. Каково же было его разочарование, когда он увидел, что никакого моста там больше нет. Однако наш герой не растерялся – Эль Президенте переоделся в форму рядового драгуна и

скрылся на болотах. На следующий день техасские солдаты его нашли, но поначалу не узнали Его превосходительство в столь жалком облачении. Санта-Анну сдали собственные же подчиненные, уставшие от откровенно скотского к ним отношения – когда его привели в лагерь, они тут же указали на своего бывшего главкома, которого немедленно отвели к Хьюстону.

Большинство техасских солдат требовало расстрелять негодяя на месте, но тот умолял пощадить его и обещал приказать всем мексиканским войскам покинуть территорию Техаса. Он написал письмо генералу Висенто Филисоле, чтобы тот отступил в район Сан-Антонио и ждал дальнейших указаний. Генерал Урреа умолял Филисолу не слушать опозоренного диктатора и продолжать войну, но, учитывая деморализованное состояние войск, плохое снабжение и отвратительную погоду – весенние дожди превратили и так немногочисленные дороги в непроходимые болота – тот решил не искушать судьбу и выполнил приказ. Санта-Анна провел в плену три недели, все это время ведя переговоры с Хьюстоном и временным президентом Техаса Дэвидом Бёрнеттом. В итоге, 14 мая 1836 года были заключены так называемые Веласкские соглашения, согласно которым все военные действия немедленно прекращались, мексиканские войска отводились за Рио Гранде, пленные освобождались, а Санта-Анне гарантировалось право безопасного прохода в Веракрус. Помимо официальной части соглашений, были

и тайные – Санта-Анна обязывался ходатайствовать перед Конгрессом о признании независимости Техаса и установлении границы по Рио Гранде.

Когда вести о разгроме при Сан-Хасинто достигли Мексики, страна погрузилась в траур, повсюду были приспущены национальные флаги, а имя Санта-Анны было покрыто несмываемым позором (или так на тот момент казалось). Конгресс объявил подписанные президентом соглашения филькиной грамотой, ведь, во-первых, он не имел права единолично их подписывать, а во-вторых, на тот момент он находился во вражескому плену. Что же касается самого незадачливого диктатора, то, естественно, он тут же был смещен с поста президента, и в Мексике в очередной раз началась грызня за власть. Однако это был далеко не конец карьеры эксцентричного пройдохи, в чем мы еще непременно убедимся. Филисола был раскритикован за свое решение отступить из Техаса и заменен на Урреа. Тот быстро собрал новую армию, восстановив ее численность до предвоенных шести тысяч, и был готов вновь двинуться в поход на север. Однако восстания федералистов, охватившие на тот момент страну, заставили его заниматься в первую очередь этими, более насущными проблемами. Фактически война была окончена, но официально Мексика так и не признала независимость мятежного штата, что в дальнейшем обязательно сыграет свою роль в описываемых нами событиях.

Народ Техаса ликовал. Несмотря на серьезное неравен-

ство в силах, новорожденной республике удалось отстоять свою независимость, фактически повторив подвиг своего старшего северного брата, пусть и в меньшем масштабе. В сентябре 1836 года она получит собственную конституцию, написанную, что неудивительно, по образу и подобию Конституции США, а в октябре триумфатор при Сан-Хасинто Сэм Хьюстон будет практически единогласно избран первым президентом Республики Техас. Однако все понимали, что Мексика так просто не оставит свою бывшую территорию в покое, и нужно предпринять какие-то шаги, чтобы обеспечить безопасность страны.

Уже во время революции техасцы поддерживают самые тесные отношения с президентом Эндрю Джексоном, который даже посылал на границу Техаса и Луизианы войска, таким образом недвусмысленно намекая мексиканцам, на чьей он стороне в этом конфликте. Разумеется, сам Джексон и его союзники из числа крупных южных землевладельцев давно бросали свои жадные взгляды на эту территорию. Да и в самом Техасе все чаще раздавались голоса в пользу объединения со своими братьями по ту сторону границы. Однако пока об аннексии Техаса не могло было быть и речи. Даже официальное дипломатическое признание республики было осуществлено Джексоном в последний день своего срока. Но почему? Как так вышло, что обычно столь радикальный Джексон решил здесь не торопить события? Все очень просто – он готовился к выборам. Не к своим – подобно своим пред-

шественникам идти на третий срок он не собирался – но ему просто необходимо было привести на высший пост в стране своего человека.

Глава 4. Аннексия Техаса

Итак, война за независимость Техаса была окончена, и на карте Северной Америки появилась еще одна страна. Новорожденная республика, естественно, попыталась тут же установить отношения со своим северным соседом. Однако американцы, хотя и сочувствовали своим братьям по ту сторону границы, отнюдь не спешили ни с признанием Техаса в качестве независимого государства, ни, тем более, с принятием его в состав Союза. Но почему? Ответ прост – выборы.

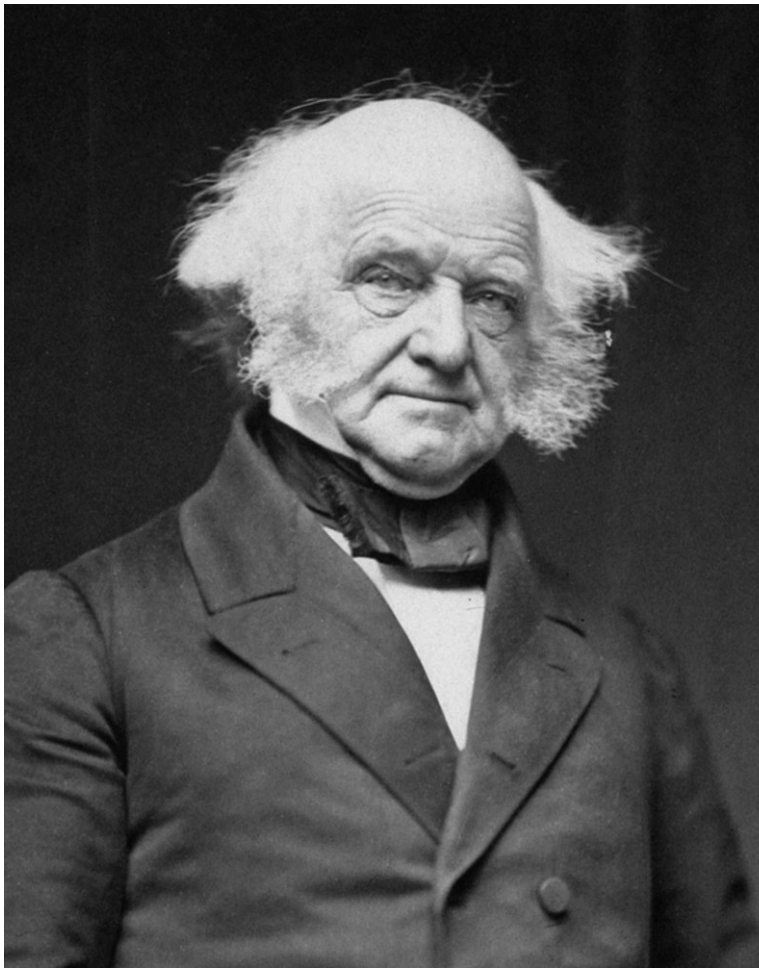
Ван Бюрен или "третий срок" Джексона

Шел ноябрь 1836 года. Заканчивался второй президентский срок Эндрю Джексона, и Соединенным Штатам нужно было определяться, каким курсом страна будет двигаться дальше. В первой главе мы уже рассказывали обо всех политических и экономических противоречиях эпохи Джексона, напомним лишь, что под конец его второго срока он все чаще и чаще начинает сталкиваться с серьезной оппозицией как со стороны Севера, так и с Юга. Подобно своим предшественникам, он не собирается идти на третий срок и выдвигает в качестве своего протеже вице-президента Мартина ван Бюрена. Уроженец Нью-Йорка голландского проис-

хождения (именно нидерландский язык был для него родным), ван Бюрен представлял северное крыло Демократической партии, обеспечивая Джексону определенную поддержку в регионе, который издавна соперничал с лидировавшим в те времена в американской политике Югом. Не пользуясь авторитетом и харизмой Джексона, он всегда был в тени и занимался в основном черновой работой, к коей Старый Орех был явно не расположен. В отличие от своего шефа, он никогда не славился прямотой и построил свою политическую карьеру на умении находить компромиссы и договариваться, при этом никогда не давая никаких обещаний и не делая категоричных заявлений. Как-то раз один сенатор поспорил, что сможет заставить его однозначно согласиться с его утверждением. "Согласны ли Вы, что солнце встает на востоке?", – спросил его сенатор. "Не знаю, сэр, я всегда просыпаюсь после рассвета", – ответил голландец. Возможно, ван Бюрен и не был сильным кандидатом, но, на счастье демократов, у их противников кандидата не было вовсе.

Виги, пришедшие на смену национальным республиканцам, пока еще были скорее рыхлой коалицией разнообразных политических сил, нежели полноценной партией с четкой программой. Не имея однозначного лидера (Клей станет им позже), виги решают выставить против ван Бюрена аж четырех человек, надеясь, что тот не сумеет набрать квалифицированного большинства и всё решится голосованием в Конгрессе, как при выборах Адамса-младшего. А вот как раз

сильные конгрессмены-то у вигов были – в Палате представителей Клей, Уэбстер и другие вполне могли склонить чашу весов в свою пользу. Их план почти удался, однако ван Бюрен смог забрать ключевой штат Пенсильвания (да, он был таковым уже тогда) и одержал победу. Джексон, уже не опасаясь давления со стороны оппозиции, 3 марта 1837 года, в последний день своего срока, официально признал Республику Техас в качестве независимого государства и на следующий день передал бразды правления своему преемнику.

(14) Мартин (Маартен) ван Бюрен, девятый президент

Заняв президентское кресло, ван Бюрен практически сразу же столкнулся с серьезным экономическим кризисом, известным как Паника 1837 года. Спекулятивный бум на земельном рынке, падение цен на хлопок и отток британских инвестиций привели к резкому снижению зарплат, росту безработицы и приостановке экспансии на Запад. Здесь в дело должен был бы вступить Центральный банк, но мы помним, что Джексон уничтожил его, и парировать первую серьезную депрессию в истории США было некому.

Ван Бюрен попытался справиться с экономическим кризисом паллиативными методами – путем создания независимой казначейской системы, согласно которой федеральные средства изымались из частных банков и передавались в специальные казначейские отделения. Фактически это был хорошо знакомый нам Федеральный резерв, только распределенный. В дальнейшем эта структура будет прекрасно работать аж до начала XX века, но тогда она была еще довольно сырой, и ее принятие активно блокировалась вигами и оппозиционными демократами.

В остальном же ван Бюрен стремился сохранить курс своего предшественника и, в полном соответствии со своим политическим кредо, не принимал никаких серьезных самостоятельных решений – он практически не затрагивал проблему рабства, желая сохранить существующий статус-кво,

поддерживал программу насильственного переселения индейцев со своих земель, а во внешней политике не предпринимал никаких резких шагов и даже слышать не хотел о присоединении Техаса. Тут его как раз можно понять, ведь если бы Техас присоединился к Союзу, то он однозначно бы вошел в него на правах рабовладельческого штата, а это могло в одночасье разрушить все достижения великого компромисса Монро. Более того, территория Техаса была просто огромной, и влиятельные южные политики вполне могли бы в дальнейшем "нарезать" из него несколько небольших штатов. И чем тогда парировать такое усиление рабовладельцев в Конгрессе? Нет, на такие риски Маленький Волшебник, как звали ван Бюрена, пойти был не готов.

В целом президентский срок ван Бюрена нельзя назвать провальным – большинство проблем досталось ему по наследству от Джексона – но неспособность к решительным действиям, особенно в экономике, больно ударила по его шансам на выборах 1840 года. На фоне оппозиции к инертной политике действующего президента значительно усилились виги, и к следующей избирательной кампании они уже подошли во всеоружии. В качестве кандидата они выставили Уильяма Генри Гаррисона, боевого генерала, победителя Конфедерации Текумсе и героя Войны 1812 года. На фоне всеобщего кризиса и разочарования в политике демократов, Гаррисон буквально громит действующего президента со счетом 234-60, набрав большинство голосов как на Севе-

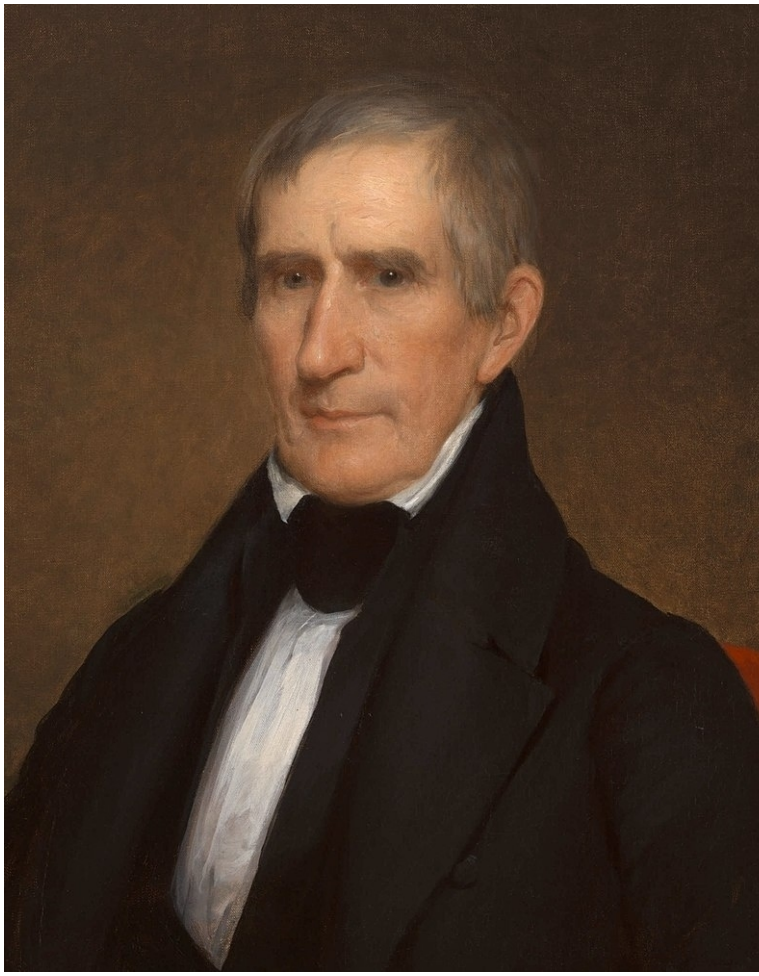
ре, так и на Юге.

Трагическая случайность

У Гаррисона были все задатки решительного, грамотного и мудрого политика. Имея за плечами большой военный опыт, он привык нести ответственность за свои решения, чем разительно отличался от осторожного ван Бюрена. Более того, это был настоящий вирджинский джентльмен с отличным образованием и прекрасными манерами, что очень импонировало старожилам. Казалось, вернулись славные времена Джефферсона и Монро. Немаловажно было и то, что его партия полностью контролировала Конгресс, что должно было сильно облегчить претворение его идей в жизнь. Гаррисон имел все шансы стать одним из самых выдающихся президентов и оставить значительный след в истории страны, но судьба распорядилась иначе. Президентский срок Уильяма Генри Гаррисона стал самым коротким в истории Соединенных Штатов.

У Гаррисона был, пожалуй, всего один серьезный недостаток – возраст. Он вступил в должность, когда ему было уже 68 лет, и его здоровье было подорвано годами военной службы и жизни на фронтире. Спустя всего несколько дней со дня инаугурации Гаррисон заболел пневмонией и вскоре умер от последствий болезни и неадекватного лечения, пробыв в должности всего 30 дней. Согласно Конституции,

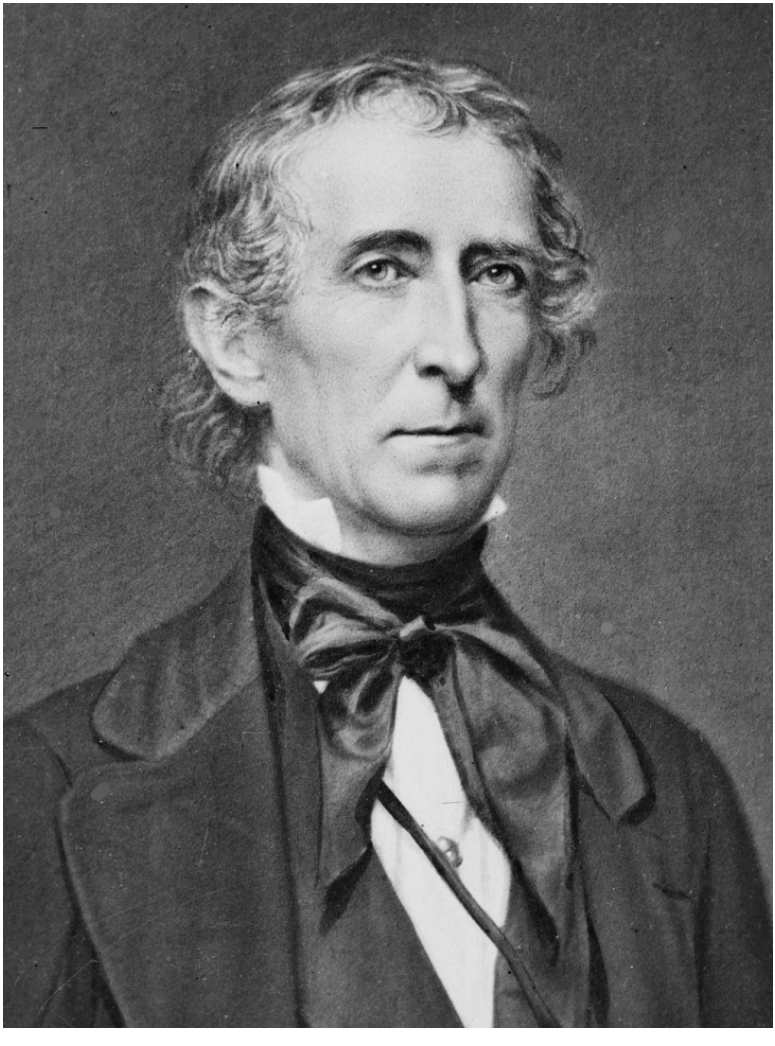
президентское кресло занял вице-президент Джон Тайлер. Как и Гаррисон, он был родом из Вирджинии, но на этом их сходство заканчивалось. Изначально демократ и сторонник Джексона, Тайлер разошелся с ним во взглядах во время нуллификационного кризиса и примкнул к новообразованной партии вигов, при этом совершенно не разделяя их взглядов касательно централизованной финансовой системы и федеральных расходов на инфраструктуру. Немудрено, ведь это был профессиональный карьерист, который легко менял политический лагерь, если считал это выгодным для себя. Его включение в избирательный бюллетень было сугубо компромиссным внутрипартийным ходом, и виги абсолютно не предполагали, что ему придется принимать серьезные самостоятельные решения. После того как Тайлер наследовал почившему Гаррисону, Клей и другие видные представители партии решили, что теперь у них есть карманный президент, который во всем будет следовать их советам. Они жестоко ошибались.

(15) Уильям Генри Гаррисон, девятый президент США.

Пробыл на своем посту всего 30 дней

Будучи сторонником буквальной трактовки Конституции и апологетом прав отдельных штатов, Тайлер на этом основании наложил вето на все предложения вигов по реформированию банковской системы. Многие историки считают, что дело тут было не столько в политических взглядах президента, а в том, что он просто не хотел плясать под дудку гораздо более популярного и способного Клея. Как бы то ни было, и самого Клея, и его товарищей просто выбесил подобный демарш президента, и один за другим они покидают посты в его кабинете, при этом даже формально исключив его из партии! С Тайлером остался лишь госсекретарь Дэниел Уэбстер, который в это время вел очень важные переговоры с британцами касательно урегулирования границ штата Мэн. В свою очередь, виги блокируют все инициативы президента, фактически поставив американскую политику в клинч.

(16) Джон Тайлер, десятый президент США

А тем временем финансовый кризис продолжался, и виги, не сумевшие выполнить своих предвыборных обещаний (пусть и не совсем по своей вине, но кому до этого дело), стремительно теряли популярность и проиграли промежуточные выборы 1842 года. Его Случайность, как называли Тайлера оппоненты, тут же почуял, куда дует ветер, и начал стремительно сближаться с демократами, назначив на министерские посты сторонников прав штатов. Одним из таких людей был Абель Апшур, который, пусть и будучи вигом, выступал против увеличения полномочий центральной власти, и, что самое главное, поддерживал политику расширения страны на Запад. Заняв место успешно решившего свои задачи госсекретаря Уэбстера, Апшур первым делом принялся за подготовку к аннексии Техаса. Плантатор и земельный спекулянт Тайлер полностью поддержал его и дал Апшуру понять, что эта задача является в настоящий момент важнейшей для страны. Но откуда такая спешка? А вот чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно на время вернуться в Мексику и посмотреть, что же происходило там после окончания Техасской революции.

Возвращение Санта-Анны

Итак, напомним, что мы оставили нашего Наполеона Запада в 1836 году, когда он находился в плену после своего фиаско при Сан-Хасинто. Освободившись, он провел некоторое время в изгнании на территории США, где даже встретился с уже уходящим со своего поста Эндрю Джексоном. Получив разрешение вернуться на Родину, он поселился на своей шикарной асьенде в Веракрусе и не принимал никакого участия в общественной жизни, точно зная, что шансы вернуться в политику у него еще обязательно будут. И был абсолютно прав.

В ноябре 1838 в гавань Веракруса неожиданно пребывает французский флот, устанавливает блокаду порта и начинает обстреливать укрепления города. Но в чем же причина такой агрессии? Естественно, в деньгах! Из-за постоянной политической нестабильности и связанных с этим народных волнений многие французские бизнесмены в Мексике терпели огромные убытки, возмещать которые никто не собирался. Чашу терпения короля Луи Филиппа I переполнил эпизод с разграблением офицерами мексиканской армии кондитерской лавки некоего мсье Ремонтеля. Монарх потребовал от правительства республики возместить французским гражданам ущерб на общую сумму 600 тысяч песо (или 3 миллиона франков). Президент Антонио Бустоманте, разу-

меется, отказался, и король распорядился послать в Веракрус небольшой флот с тремя тысячами солдат на борту (да, "правило Веракруса" работает в Мексике безотказно). После того как интервенты высадились в порту, свои услуги правительству предложил Санта-Анна, и перепуганные до смерти власти доверили ему находившиеся рядом войска.

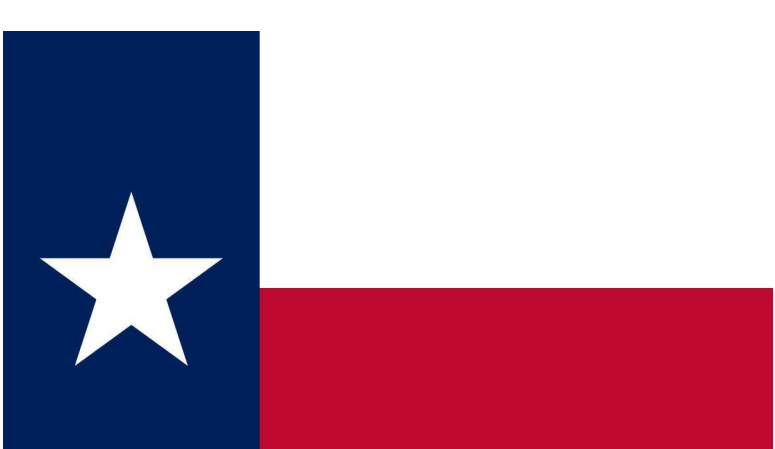
В стычке с арьергардом французов герой Мексики получил тяжелое ранение в лодыжку, и ногу пришлось ампутировать. Казалось бы, это поставило окончательный крест на военной и политической карьере Человека Судьбы, но не тутто было. Санта-Анна был настоящим гением пиара и даже свое увечье умудрился превратить в политический капитал! Он похоронил ампутированную конечность с полными воинскими почестями и таким образом заявил всей стране о своей великой жертве. Само сражение, к слову, было проиграно, и Мексике пришлось согласиться со всеми требованиями французов, но это не имело уже никакого значения. Санта-Анна вернулся в большую политику!

На фоне хаоса, охватившего страну после очередного военного поражения, кабинет Бустоманте пал, и Конгресс обратился именно к нему, как к единственному человеку, способному спасти страну от окончательной гибели. Наполеон Запада, конечно же, охотно согласился и 20 марта 1839 года снова занял президентское кресло. Ему удалось разбить войска мятежных генералов, драконовскими мерами навести хоть какое-то подобие порядка в стране и сформировать

какое-никакое правительство. Теперь настало время для мести.

Чтобы окончательно очистить свое имя и смыть позор Сан-Хасинто, необходимо было вернуться в Техас и проучить наглых сепаратистов, посмевших посягнуть на территориальную целостность Мексики. Его Мексики! И в 1842 году Санта-Анна предпринимает такую попытку. 18 сентября генерал Адриан Волл с полутора тысячами солдат занял Сан-Антонио, разбил небольшие силы техасского ополчения, захватил некоторое количество пленных и ушел обратно за Рио Гранде. Почему же не удалось осуществить более масштабное вторжение? Во-первых, Санта-Анна опасался негативной реакции третьих стран, прежде всего, США и Великобритании. Во-вторых, что более важно, в Мексике опять начались волнения. Недовольные непомерными налогами, которые Санта-Анне пришлось установить ради пополнения казны, некоторые штаты отказались подчиняться центральному правительству, а Юкатан и вовсе объявил себя независимой республикой! Тут уж было не до Техаса. В конце концов, в 1844 году на фоне продолжающихся беспорядков Санта-Анна бежал из Мехико и вынужден был опять отправиться в ссылку, на этот раз на Кубу. Казалось бы, это уже точно конец карьеры незадачливого каудильо, и путь назад ему заказан. Ничего подобного! Впрочем, не будем забегать вперед и переместимся немного севернее.

Под флагом одинокой звезды

(17) Флаг Республики Техас в 1839 – 1845 гг., использующийся в качестве официального в штате Техас по сей день

В самом Техасе этот рейд вызвал крайнюю обеспокоенность, а также сомнения в том, что молодая республика способна самостоятельно отстоять свою независимость от посягательств извне. Да, сейчас в Мексике, как обычно, творится полный бардак и анархия, но что, если какой-нибудь

силе удастся стабилизировать обстановку и установить хотя бы относительный порядок? Тогда Стране Одинокой звезды точно придется худо – ведь именно возврат Техаса идеально подходит на роль идеи, потенциально способной объединить страну. Кто тогда сможет защитить их? Штаты? Возможно. А если в тот момент у власти окажутся, допустим, виги, которым и сам Техас, и все его взаимные территориальные претензии с Мексикой просто до лампочки? Техасцы помнили, что даже ультра-ястреб Джексон не решился открыто выступить на стороне повстанцев в 1836 году, ограничившись символическими жестами. Что же будет теперь? Помимо внешнеполитического фактора, был тут момент и чисто экономический. Паника 1837 года больно ударила и по Техасу тоже – падение цен на хлопок самым негативным образом сказалось на основной статье экспорта страны. Недостаток рабочих рук, постоянно растущий госдолг и неопределенное будущее – все это требовало немедленных решительных действий.

Разговоры о присоединении страны к США шли фактически с самого момента обретения независимости, однако старший брат был явно не в восторге от такого подарка. Осторожный и дипломатичный ван Бюрен как мог откладывал этот вопрос, не желая брать на себя такую ответственность, ведь, как мы уже говорили выше, это могло подорвать хрупкий баланс политических сил в стране. К тому же, наличие у республики взаимных территориальных претензий

с Мексикой (а Техас формально претендовал на огромную территорию) могло потенциально привести к войне с ней. Поэтому, когда в 1837 году посол Техаса в США Мемукан Хант положил президенту на стол официальное предложение о присоединении, ван Бюрен решительно ему отказал. Казалось, что вопрос отложен в долгий ящик, и техасцам придется решать свои проблемы самостоятельно.

На этом фоне Техас активизировал контакты с европейскими странами, установив с ними сначала торговые связи, а затем и дипломатические отношения. В 1839 году республику официально признает Франция, ее примеру вскоре следуют Бельгия и Нидерланды. В этот момент определенные круги в Штатах, особенно южные элиты, начинают нервничать – кому хочется терпеть конкурентов практически у себя под боком? Но самое страшное происходит в 1842 году – Техас обменивается официальными представителями с Великобританией! Вот это уже было действительно серьезно. Если англичане по-настоящему проявят интерес к Техасу, они могут в кратчайшие сроки поставить молодую и слабую страну под свой контроль, фактически превратив ее в сырьевой придаток. И что тогда будет с американским хлопковым рынком? С этим надо было срочно что-то делать.

Вместе навеки

Президент Тайлер к тому моменту уже прочно связал се-

бя с южными рабовладельческими элитами, в особенности с самыми радикальными поборниками прав штатов и территориального расширения во главе с их бессменным лидером Джоном Кэлхуном. Вообще, это удивительно – Америка выбрала президента-вига, сторонника внутреннего прогресса и промышленного развития, а в результате получила махрового южного плантатора-экспансиониста. Воистину, американская политика иногда совершает поразительные кульбиты! Но, как бы то ни было, Тайлер, который чувствовал, что внешние дела – это его единственный шанс зацепиться за второй срок, дает указание немедленно начать проработку вопроса об аннексии Техаса.

Первым делом госсекретарь Апшур активизирует шпионскую сеть в Великобритании с целью узнать, о чем же там договорились техасцы с англичанами. Сообщение, пришедшее с Туманного Альбиона, его просто шокирует – техасцы готовы предоставить британцам исключительные торговые преференции и даже освободить рабов, а те, в свою очередь, берут на себя госдолг страны! Теперь-то мы знаем, что подобные инсинуации были полной чушью – правительство лорда Пила никогда не давало техасским посланникам таких обещаний, да и вообще, Империю на тот момент гораздо больше занимал восточный вопрос, и до Техаса им, по большому счету, не было никакого дела. Но то ли агенту Апшура скормили откровенную дезу, то ли у него разыгралась буйная фантазия – этого мы уже не узнаем, но Апшур и Тайлер

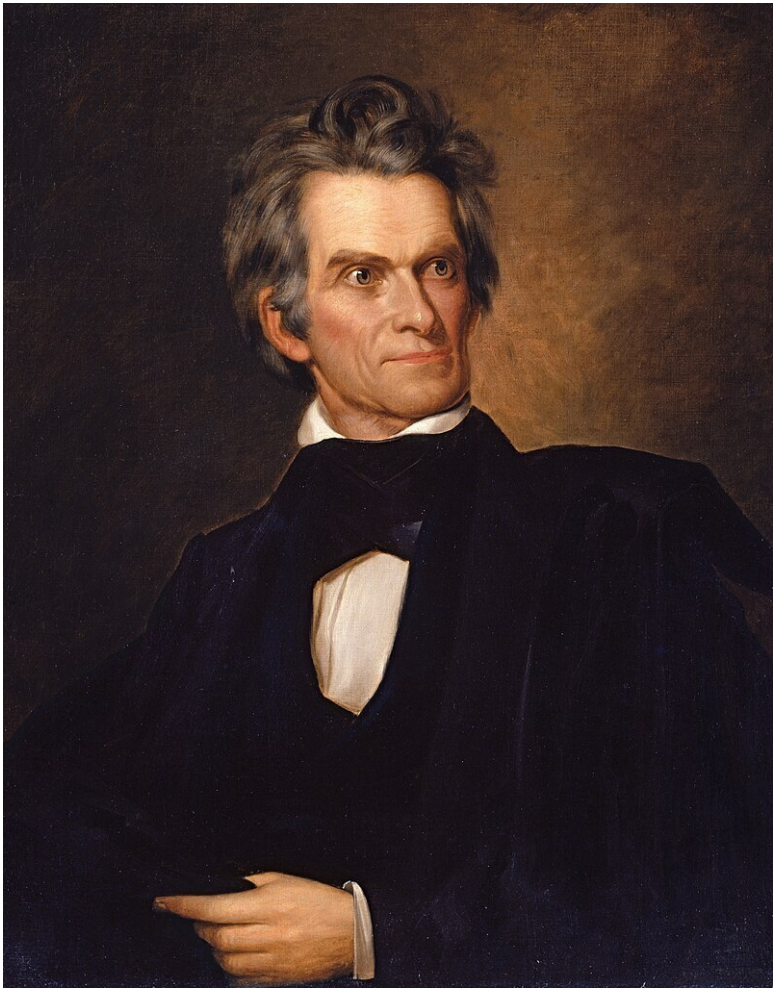
сами поверили в эти бредни и принялись за дело с удвоенной энергией.

Апшур организовывает утечку информации в прессу, и газеты буквально взрываются негодованием. Заговор! Подлые англичане вновь плетут свои интриги! Измена! Аболиционисты3[1] объединились с нашими врагами, чтобы уничтожить нашу демократию! Нам грозит разорение! Рабы собираются бежать на запад! Такими феерическими заголовками пестрели ведущие издания страны. Обеспечив достаточный прогрев общественного мнения, Апшур в сентябре 1843 года начинает секретные переговоры с новым техасским послом Айзеком ван Зандтом. К январю стороны уже набросали проект соглашения об аннексии, согласно которому Штаты готовы послать американские войска для защиты Техаса сразу после подписания соглашения. Это был решающий аргумент для президента Сэма Хьюстона, который до этого относился к идее присоединения с прохладцей. Казалось бы, дело в шляпе. Но не тут-то было.

В дело вновь вмешивается судьба. 28 февраля 1844 года в результате несчастного случая на военном паровом фрегате "Принстон" погибает Абель Апшур. Его вместе с морским министром Гилмором и несколькими другим людьми убило во время взрыва орудия при демонстрационных стрельбах. К этому моменту проект об аннексии был уже почти готов, но Тайлер должен был выбрать нового госсекретаря,

[1] Сторонники отмены рабства – прим. авт.

чтобы завершить начатое. Его выбор падает на самого яркого представителя фракции Кэлхуна – Великого Обнулителя собственной персоной! Уже 12 апреля Кэлхун подписывает с техасской стороной соглашение об аннексии, согласно которому Техас входит в Союз на правах территории с возможным образованием на ней аж до пяти новых штатов, а США берут на себя обязательства по частичному погашению внешнего долга. Неужели на этом всё? Как бы не так! Соглашение с треском проваливается в Сенате – ведомые Клеем виги наносят президенту ответный удар и со счетом 35-16 отвергают проект! Что же пошло не так?

Весь фокус заключался в том, что хитрый и расчетливый Кэлхун, по-видимому, намеренно подставил Тайлера, выставив весь проект в таком свете, что он виделся исключительно прорабовладельческим предприятием. В этом ему помог и покойный Апшур, устроивший форменную истерию в прессе. Но зачем ему было это нужно? А затем, что в 1844 году опять были выборы. Тайлер уже никак не мог баллотироваться от вигов, собственной избирательной платформы у него не было, а демократам лишний конкурент был не нужен. Вот Каролинский Философ и решил избавиться от него таким элегантным образом. После провала голосования козырей у действующего президента уже не оставалось, и он фактически выбыл из предвыборной гонки.

Но кто же тогда участвовал в выборах? Вигов представлял уже знакомый нам Генри Клей, что было совершенно неудивительно. А вот демократы выставили настоящую темную лошадку – Джеймса Нокса Полка. Кэлхун был слишком одиозен, а ван Бюрен крайне непопулярен, поэтому и решено было сделать ставку на сравнительно незнакомого кандидата, не запятнавшего себя никакими сомнительными действиями. Видный плантатор из Теннесси, бывший спикер Палаты представителей, ярый последователь идей Джексона, Полк и вправду оказался идеальной кандидатурой. Выборы 1844 года оказались одними из самых упорных и напря-

женных в истории страны, но в итоге Полк победил Клея со счетом 170-105, причем разрыв результатов всеобщего голосования оказался вообще минимальным – 49,5% против 48,1%! Многие американские историки считают именно этот момент поворотным в истории страны. Ведущий исследователь Америки XIX Дэниел Уокер Хау пишет:

> "Если бы Генри Клей выиграл выборы, почти наверняка не было бы ни Мексиканской войны, ни Условия Уилмота, и, следовательно, никакого рабства на новых территориях… он бы поощрял умеренность в вопросе рабства, включая … идею постепенной эмансипации, которую он отстаивал всю свою жизнь… Возможно, Гражданской войны в 1860-х удалось бы избежать…"

Так это или не так, этого мы уже никогда не узнаем. Тем не менее, важность исхода выборов 1844 года не подлежит сомнению – именно по их результатам присоединение Техаса стало, наконец, возможным. Тайлер и Полк быстро нашли общий язык и решили, что теперь их мечте (а Полк был не меньшим, а даже большим экспансионистом, чем его предшественник) уже ничто не угрожает. Будучи строгим сторонником буквальной трактовки Конституции, на этот раз Тайлер отмахнулся от своих принципов. С подачи Полка он заявил, что никакого соглашения (а соответственно, и ратификации его большинством в две трети голосов) тут не требует-

ся и можно принять Техас в состав Союза простым большинством голосов в Конгрессе. В конце января 1845 года контролируемая демократами Палата представителей голосует за – 120 голосов против 90. Протащить законопроект в Сенате значительно сложнее – ведь там большинство по-прежнему у вигов, но Кэлхун и Полк договариваются с их южным крылом, и предложение с трудом, но проходит и там – 27 голосов против 25, во многом потому, что восточный Техас теперь входил в Союз как один штат, а статус остальных территорий к западу оставался неопределенным. Престарелый Джон Куинси Адамс, узнав об этом трюке двух президентов, был в ярости. "Они превратили Конституцию в тряпку, которой женщина пользуется во время месячных" – написал он в совершенно вызывающем для середины XIX века стиле.

Но Тайлеру уже было глубоко наплевать на весь шквал критики, обрушившийся на него. Под конец своего президентского срока ему, наконец, удалось отметиться действительно выдающимся достижением! 3 марта 1845 года в истинно джексоновском стиле, в последний день пребывания в офисе, он отправил в Техас официального курьера с предложением о присоединении. И хотя официальное признание предложения заняло у южной республики почти год, и де-юре Техас станет частью Союза только 29 декабря, все уже понимали, что это вопрос решенный. Новый президент вступал в должность на мажорной ноте. Оставался невыясненным только один вопрос – а в каких собственно границах Те-

хас входит в большую американскую семью? Неужели Полк, Кэлхун и Тайлер просто прошляпили этот момент? Отнюдь нет. Наличие территориальных споров с Мексикой было не злом, а благом для Джеймса Нокса Полка. Да, потенциально это могло привести к серьезному конфликту и даже к войне. Но все дело в том, что президенту как раз и нужна была война. И 3 марта 1845 года она стала неизбежной.

Глава 5. Американская кровь на американской земле

Итак, долгая эпопея с аннексией Техаса окончилась, и эта огромная территория, наконец, стала частью Соединенных Штатов. Как мы уже отмечали, главной внешнеполитической проблемой Республики Одинокой Звезды были территориальные споры с Мексикой. Теперь эти разногласия, можно сказать, "по наследству" перешли к США, и их требовалось каким-то образом решать. В итоге Штаты их и решили, причем самым радикальным способом. Но прежде, чем мы перейдем к рассмотрению поистине судьбоносных событий, произошедших в 1845 – 1846 гг, нам необходимо сперва ознакомиться с личностью нового президента США, занявшего Белый дом 4 марта 1845 года. А заодно и узнать, какие общественно-политические настроения царили в то время в Соединенных Штатах. Итак, что же за человек был Джеймс Нокс Полк?

Полк и его явное предначертание

Сын богатого земельного спекулянта и плантатора, Джеймс Полк родился в Северной Каролине в 1795 году. Его семья славилась горячей поддержкой президента Тома-

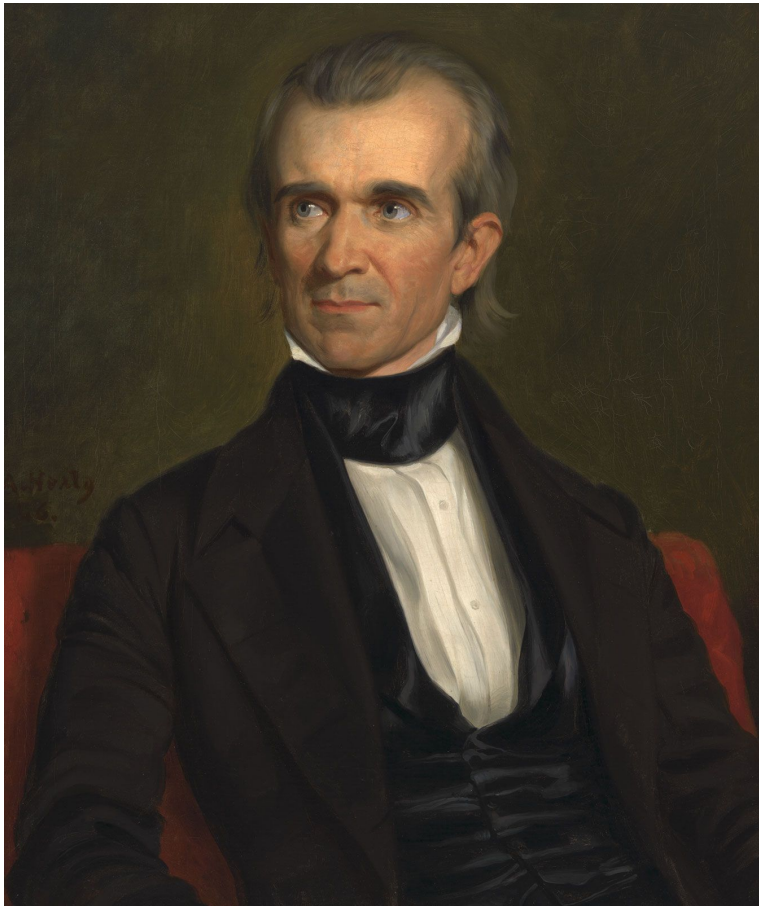
са Джефферсона и проводимой им политики расширения страны. В дальнейшем это будет иметь огромное значение для формирования собственных взглядов будущего президента. Он получил неплохое образование и по окончании университета занялся юридической практикой, причем довольно удачно. Успехи в профессиональной деятельности, а также обширные семейные связи поспособствовали также и политической карьере молодого адвоката – в 1824 году он избирается в Конгресс от Демократической партии, став там одним из самых верных последователей Эндрю Джексона, с которым его познакомила жена. На волне роста популярности Джексона последовательно развивается и карьера Полка – в 1835 году он становится спикером Конгресса, а в 1839-м – губернатором Теннесси. Пожалуй, самым большим преимуществом Полка как политика-демократа было то, что он пользовался поддержкой как сторонников Джексона, так и последователей Кэлхуна. Первые считали его идейным продолжателем политики Старого Ореха, особенно, в части территориальной экспансии на Запад. Вторые уважали Полка за его настойчивость в деле защиты прав штатов. Во многом именно поэтому в 1844 году Полк стал компромиссным кандидатом на выборах от Демократической партии, несмотря на то что, по общему мнению, не входил в число признанных политических тяжеловесов.

Как мы уже говорили, выборы 1844 года стали одними из самых напряженных в истории США. Вопреки изначальным

прогнозам Полк с минимальным преимуществом вырвал победу у кандидата от вигов Генри Клея. Свою роль тут сыграли и вновь обретенное единство Демпартии, и неспособность вигов купировать последствия финансового кризиса, и тот факт, что ему удалось завоевать доверие избирателей как на Юге, так и на Севере. Первым он обещал аннексию Техаса, вторым – присоединение Орегона.

К вопросу Орегона мы еще вернемся, а пока расскажем о крайне важной философской концепции, которая уже достаточно давно владела умами большой части американцев, но окончательно оформилась именно в это время. Речь идёт о принципе Явного предначертания, впервые появившемся летом 1845 года в анонимной статье, предписываемой бессменному редактору газеты "Демократик Ревью" Джону О'Салливану. В ней излагались разнообразные доводы в пользу аннексии Техаса и, в частности, прозвучали следующие слова: "(Присоединение Техаса) является исполнением нашего явного предначертания – заселить континент, отведенный Провидением для свободного развития нашего ежегодно умножающегося населения". Вообще, первые проблески американского империализма начали появляться еще при Джексоне, а, возможно, и еще раньше – при Джефферсоне, однако именно при Полке это движение обретает наибольший размах. Все чаще начинают звучать призывы колонизировать все пространство от Атлантического до Тихого Океана, от канадской границы до Рио Гранде. Особо радикально

настроенные круги предлагают двигаться еще дальше – до джунглей Амазонии, а там, чем черт не шутит, и до самого мыса Горн.

(19) Джеймс Нокс Полк, одиннадцатый президент США

Разумеется, таких альтернативно одаренных личностей было явное меньшинство, но то, что у Америки должен обязательно быть свой выход к Тихому океану, становится лейтмотивом политики сторонников территориального расширения. В первых рядах экспансионистов идут, разумеется, южные плантаторы-рабовладельцы. Как мы уже не раз отмечали, плантационная экономика может расширяться только экстенсивно, новые земли критически важны для развития этого типа хозяйства. Именно их интересы представлял Полк, сам плоть от плоти южанин и представитель рабовладельческой аристократии. Он подчеркивал, что территориальная экспансия обеспечивала само существование Соединенных Штатов как государства: "Если бы наше нынешнее население было ограничено сравнительно узкими границами первоначальных тринадцати штатов, наша республика давно могла бы пасть". Такие слова абсолютно неудивительны – ведь столь агрессивную политику просто необходимо было обосновать какими-то моральными соображениями. Кто-то, как Полк, считал, что без расширения на Запад США просто не смогли бы существовать как государство. Другие были уверены в великой цивилизаторской миссии Америки по превращению пустынных пространств, заселенных дикарями, в цветущие плодородные земли, куда приходят высокоморальные люди, вооруженные христианским учением и идеалами свободы и демократии.

В общем-то, в таких идеях не было ничего нового – они

вполне укладывались в картину романтического национализма, типичного для развитых государств XIX века. Единственное отличие было в том, что в Европе ничейного пространства уже давно не осталось, и крупным игрокам приходилось либо грызться между собой (что чревато большими проблемами), либо осваивать территории в Африке или Азии. В Америке же свободные земли были рядом, и их было много. Но понятно было, что рано или поздно закончатся и они, и что тогда делать? И, конечно же, экспансионистам было нужно Тихоокеанское побережье, прежде всего, Калифорния. Да, золота там еще не нашли (это произойдет чуть позже), но это богатейшая земля, это удобные гавани, это, наконец, новые рынки сбыта. Плюсом также идет отличный климат, крайне благоприятный для сельского хозяйства, при отсутствии страшных эндемичных заболеваний вроде малярии или желтой лихорадки. Но на пути к обретению этой благословенной земли и имперскому величию Штатов стояло одно государство, когда-то бывшее частью великой колониальной державы, и, более того, успевшее само побыть империей. Это, конечно, Мексика, о которой мы уже не раз говорили в рамках нашего повествования. При всем бардаке, анархии и хаосе, которые царили в этой стране в первые десятилетия ее существования, назвать ее дикой или нецивилизованной язык не повернется. Мексика опиралась на богатейшее испанское католическое культурное наследие, приправленное местными обычаями и традициями, в ней было

довольно много образованного населения, а сам мексиканский народ был очень религиозен и уж точно не требовал никаких усилий по насаждению христианской морали.

Тем хуже для него. По словам Роберта Уокера, секретаря казначейства в кабинете Полка, "жестокое, амбициозное и распущенное мексиканское духовенство будет только рад возвращению инквизиции". Комментировать это заявление даже не хочется. Помимо религиозных предрассудков, свою роль играл, конечно же, и расизм, весьма распространенный в США в то время. Мексиканцы в глазах многих американцев были разношерстным сбродом, продуктом смешения южноевропейской и индейской рас, и поэтому людьми заведомо неполноценными и неспособными к самоуправлению. Было ясно, что в таком неблагоприятном политическом и этническом климате нормально территории, принадлежащие Мексике, развиваться не могут, и только американцы способны привести эти земли к процветанию и установить там подлинное торжество закона и демократии. А заодно, конечно, и плантационное хозяйство, еще больше умножив доходы и влияние крупнейших представителей южной элиты. В общем, ничего нового – было бы желание, а повод найдется. И он нашелся очень быстро. Впрочем, обо всем по порядку. Прежде чем разбираться с Мексикой, необходимо было решить территориальный вопрос еще с одним государством, причем гораздо более опасным и могущественным, нежели южный сосед. Речь идет о Великобритании и так называемом

Орегонском кризисе.

Орегонский кризис

Выиграв выборы, Полк тут же подкрепил свои обещания конкретными заявлениями. В своей инаугурационной речи он дал понять, что "наши претензии на территорию Орегона ясны и неоспоримы" и что "где бы ни решили поселиться американцы, федеральное правительство должно оказывать им всяческое содействие". Это смелое выступление вызвало настоящий шквал критики в Британии, где лорд Пил ответил Полку в той же манере: "Мы считаем, что у нас тоже есть права на территории Орегона, которые ясны и неоспоримы". Налицо был конфликт интересов, который потенциально мог привести к серьезнейшим политическим осложнениям. Никто, однако, тогда не обратил особого внимания, что президент намеренно опустил слово "всю", говоря об этой северо-западной территории. Но что же это была за территория и почему в ней были так сильно заинтересованы две крупные державы по разные стороны Атлантики?

Орегон не следует путать с современным американским штатом с тем же названием. Исторически эта территория была намного больше – она располагалась на побережье Тихого океана и граничила с севера с Русской Америкой (Аляской), а с юга – с мексиканской Калифорнией. Освоение этих земель началось сравнительно поздно – уже в XVIII веке. Ска-

зывалась географическая удаленность и сложность организации логистики в этих местах. Тем не менее, ведущие державы, такие как Великобритания, Испания и Россия постепенно начинают проявлять к ним интерес, а вскоре к ним подключается и молодое американское государство. В конце концов, испанцы и наши соотечественники смогли застолбить за собой обширные куски Тихоокеанского побережья соответственно на юге и на севере и отказались непосредственно от Орегона – первые по договору Адамса-Ониса 1819 года, а вторые – согласно договорам 1824 года с американцами и 1825 года – с англичанами. Таким образом, осталось лишь два претендента на эту землю – США и Великобритания. Но зачем им вообще был нужен этот Богом забытый край?

Главным ресурсом в Орегоне была пушнина. Да, она уже не имела того значения в международной торговле, как 200 – 300 лет назад, но до сих пор оставалась востребованным и весьма недешевым товаром. К тому же, в долине Вилламетт были чрезвычайно плодородные земли, на которых сейчас даже выращивается виноград, что само по себе уникально для такого северного региона. С развитием международной торговли и постепенным включением Тихого океана в мировую экономическую систему растет и значение северо-западной части американского континента. В 1807 году британцы основывают Северо-западную компанию (которую потом поглотит Компания Гудзонова залива) и начинают строитель-

ство факторий на территории Орегона. От них не отстают и американцы – их Тихоокеанская меховая компания пытается создать конкуренцию британским деловым интересам в этом регионе. В этой борьбе на стороне Туманного Альбиона был самый мощный в мире торговый и военный флот, а Страна Свободы, в свою очередь, имела прямой доступ к этим землям по суше. Да, учитывая крайне низкую транспортную связность, характерную для начала XIX века, казалось, что американцам здесь ничего не светит – океанский путь на Северо-Запад был намного быстрее, и вывозить оттуда товары морем было намного проще и выгоднее. Но это пока.

Экспедиция Льюиса и Кларка 1803 года доказала принципиальную возможность достигнуть Тихого океана по суше, и уже совсем скоро, с постепенным освоением земель, полученных Штатами в рамках Луизианской покупки, поток переселенцев начинает двигаться все дальше и дальше на запад. Здесь стоит оговориться, что идея территориального расширения была прерогативой не только южной плантаторской элиты. Для малоземельного населения старого Северо-Запада, где хозяйство, основанное на рабском труде, было попросту невозможно, Орегон был настоящей дорогой в рай, которая обещала обширные плодородные территории, за которые не надо было бороться с соседями и платить налоги правительству. В результате все больше людей решает рискнуть всем и отправиться навстречу своей мечте. Путь из Миссури к побережью Тихого океана получил название

Орегонской тропы и стал настоящим символом пионерского духа Америки. Исследователи оценивают количество людей, прошедших по ней с 1840-х по 1860-е годы, примерно в 400 тысяч человек. Развитие железнодорожного транспорта, а также изобретение в 1837 году Сэмюелем Морзе телеграфа означало, что рано или поздно чудеса современной техники доберутся и до этих диких мест. А значит, людей там вскоре будет еще больше. Все это давало американцам заметные преимущества, но вместе с тем заставляло руководство страны действовать активно.

Напомним, что президент Полк в своей предвыборной программе обещал американцам не только Техас, но и весь Орегон. "54°40' или война!" – так гласил предвыборный лозунг Демпартии. Имелась в виду широта, по которой должна была пройти граница американского Орегона, то есть по южной границе русской Аляски. По результатам договора 1818 года Британия и США договорились о совместном использовании этой территории, но вечно так продолжаться не могло. Необходимо было четко закрепить статус Орегона, и фракция экспансионистов в Конгрессе была уверена, что он принадлежит Штатам целиком. Во многом именно это обеспечило Полку нужные голоса на Севере. Но несмотря на такие воинственные заявления, на самом деле президент совершенно не собирался лезть на рожон с англичанами из-за какого-то там Орегона. Ему нужна была, в первую очередь, Калифорния, а значит, конфронтация с Мексикой. Ввязы-

ваться одновременно в две войны, где одним из противников может стать первая держава мира, явно не входило в его планы.

Начались переговоры, и пока они шли не слишком удачно. Полк предложил британцам компромиссный вариант – границу по 49-й параллели. Посол сэр Ричард Пакенхэм отказался сразу, даже не проконсультировавшись с Лондоном. Это разозлило как Полка, так и представителей Северо-Запада в Конгрессе – 2 декабря 1845 года сенаторы от Мичигана, Индианы и Огайо предложили, ни много ни мало, объявить наглым англичанам войну! Это было последнее, чего хотел бы Полк, но и просто так плюнуть на мнение северных демократических элит он тоже не мог. Причины такой резкой реакции сенаторов заключались не только в англофобии, традиционной для тогдашней Америки, но и в том, что Север никак не должен был уступать Югу. Северные демократы резонно вопрошали: южанам достался целый Техас, а нам что?

Ситуация накалялась. Британцы даже послали к берегам Орегона флот из пяти кораблей, в том числе огромный 80-пушечный линкор "Коллингвуд", демонстрируя серьезность своих намерений. Тем не менее, холодные головы по обе стороны Атлантики, к счастью, сумели выправить ситуацию. Британцам тоже совершенно не нужна была война за Орегон, экономическое значение которого для Империи неуклонно падало. К тому же, Война 1812 года показала сложность раз-

вертывания крупных сил в Северной Америке, а США, по сравнению с началом века, серьезно усилились в военном отношении. Ну и, наконец, Туманный Альбион традиционно больше занимали европейские дела, особенно намечавшийся уже тогда конфликт с Россией касательно восточного вопроса. В США же против конфронтации резко выступили виги, которые к политике территориального расширения страны относились, мягко говоря, с прохладцей.

Тут необходимо сделать еще одно отступление и отметить, что идеологию Явного предначертания разделяли в США далеко не все. Большинство вигов и их сторонников считало, что прежде, чем бросать свои взоры на чужие земли, необходимо сначала наладить экономическую жизнь на старых территориях. В частности, Генри Клей в одном из своих писем подчеркивал: "Гораздо важнее объединить, гармонизировать и улучшить то, что у нас есть, чем пытаться приобрести больше". Известный протестантский проповедник Уильям Ченнинг отвечал ему: "Соединенные Штаты должны оказать поддержку своим менее удачливым братским республикам и взять на себя высочайшую моральную роль распространять свободу и дарить ее плоды, а не грабить, крушить и уничтожать". Виги тоже понимали, что страна не должна замыкаться в собственных границах, и американской экономике абсолютно необходима экспансия. Но экспансия, основанная не на захвате территорий, а на развитии промышленного производства, внутренней и междуна-

родной торговле, совершенствовании транспорта и инфраструктуры. Экспорт товаров, идей и моральных принципов вместо экспорта войн и территориальных захватов. Такая концепция внутреннего развития находила широкий отклик в настроениях масс, особенно на Северо-Востоке, и война с Англией рисковала окончательно расколоть страну надвое. В первой главе мы уже рассказывали о том, с каким негативом отнеслись к Войне 1812 года представители Федералистской партии – дело тогда едва ли не дошло до сецессии. Подобное вполне могло повториться и теперь, и, разумеется, накануне войны с Мексикой президент Полк никак не мог пойти еще и на обострение внутренних противоречий.

В результате, в июне 1846 года состоялся очередной раунд переговоров между Пакенхэмом и госсекретарем Джеймсом Бьюкененом, которые завершились, наконец, согласованием компромиссного документа. Согласно ему, граница между английскими и американскими владениями была проведена по 49-й широте, при этом остров Ванкувер целиком остался за британцами, судоходство по каналам и проливам южнее 49-й параллели было открыто для обеих сторон, а собственность Компании Гудзонова залива объявлялась неприкосновенной. Оставалось только ратифицировать договор в Сенате, что и было сделано 12 июня большинством голосов – 38 против 12. А уже 15 числа соглашение было, наконец, подписано, и Орегонский вопрос был, к всеобщему удовольствию, закрыт. Полк теперь мог со спокойной душой заявить, что

он сделал все что мог, но ему пришлось пойти на компромисс, подчиняясь воле Сената. Но почему сами сенаторы так быстро согласились на такие условия? Ответ очень прост – к тому моменту война на южных границах уже началась. "Теперь давайте просто наподдадим Мексике под зад", – писала демократическая газета "Нью-Йорк Геральд". И именно это и собирались сделать американцы.

Дело Торнтона

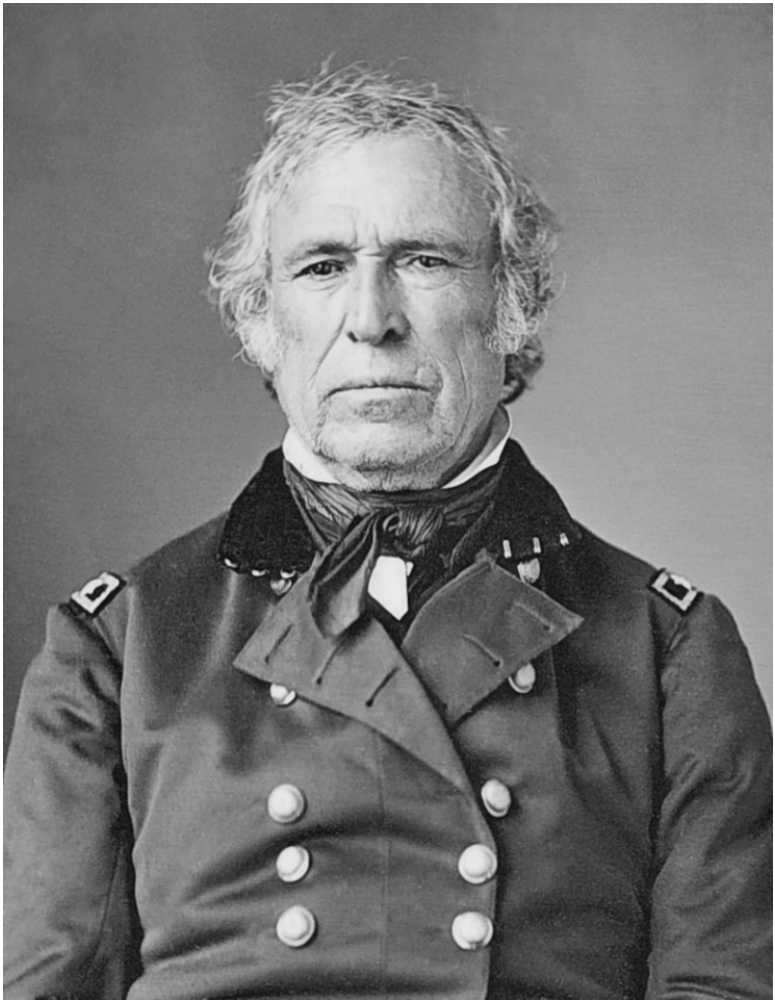
Вот мы, наконец, и закончили наше длительное вступление и вплотную подошли к центральному событию нашего рассказа – непосредственно, Американо-мексиканской войне! Но как она началась? Что послужило к ней поводом? Итак, в самом конце 1845 года Техас окончательно входит в состав Союза. Причем, как мы уже говорили ранее, входит с до конца не определенными границами. Мексиканцы считали, что граница Техаса проходит по реке Нуэсес. Техасцы же на основании договора с плененным Санта-Анной претендовали на земли до реки Рио Гранде, и такую же официальную позицию теперь занимали Соединенные Штаты. Надо ли говорить, что одно это уже создавало основания для потенциального конфликта. Более того, и это совершенно неудивительно, Мексика в принципе была категорически против включения Техаса в состав США, ибо считала эту территорию своей! 6 марта 1845 года мексиканский посол в США

объявил присоединение Техаса "актом агрессии" и в одностороннем порядке разорвал дипломатические отношения со Штатами. Ситуация складывалась крайне напряженная – достаточно было любого, самого малозначительного инцидента на спорных территориях, чтобы спровоцировать большую войну. Однако пока Мексика не шла на обострение конфликта, и дело здесь, как всегда, было в крайне нестабильной обстановке в стране.

Президент Хосе Хоакин Эррера был в весьма незавидном положении – ему пришлось разгребать авгиевы конюшни, оставленные в наследство бежавшим Санта-Анной, к тому же, страну буквально разрывали на части разношерстные сепаратистские движения. Чтобы как-то справиться с хаосом, творившемся в республике, он задумал проведение налоговых и территориальных реформ, но они могли быть осуществлены, только если Мексика окончательно смирится с потерей Техаса и избежит конфронтации с могучим северным соседом. В августе 1845 года он объявил, что готов принять американского уполномоченного для обсуждения территориальных споров.

Надо отдать должное Полку – прежде чем пойти на открытую эскалацию, он попытался (ну, или сделал вид, что попытался) решить существовавшие с южным соседом разногласия дипломатическим путем и принял предложение своего мексиканского коллеги. Он отправил в Мехико специального посланника – конгрессмена из Луизианы Джона Слайдел-

ла, пользовавшегося полным доверием президента. Однако еще до этого, в июле (то есть еще до официального присоединения Техаса к Союзу), он приказал генералу Закари Тейлору во главе 3500 солдат занять позиции на реке Нуэсес и быть готовым захватить спорные территории силой, если потребуется. О генерале Тейлоре мы еще обязательно подробно поговорим в следующих главах, а пока посмотрим, что же происходило дальше.

(20) Генерал Закари Тейлор, в будущем двенадцатый президент США

Одновременно с демонстрацией силы в Техасе Полк через своего консула в Калифорнии дает местным сепаратистским силам понять, что он готов поддержать их, если те открыто выступят против центрального правительства. Таким образом, если в случае с Орегоном Полк старался казаться принципиальным, но на деле был готов к компромиссу, то в мексиканских делах все обстояло с точностью до наоборот. Полк вряд ли надеялся, что миссия Слайделла будет успешной – он уполномочил его предложить мексиканцам 25 миллионов долларов в обмен на Верхнюю Калифорнию, Нью-Мексико и признание границы Техаса по реке Рио-Гранде, а также обязался аннулировать долг мексиканского правительства перед американскими гражданами в размере 3 миллионов долларов. С позиции послезнания такие требования стоит признать вполне разумными – в результате войны Мексика все равно потеряет эти территории, а вооруженного конфликта можно было избежать. Но Полк точно знал, что никто в Мексике на такие условия не пойдет, и был абсолютно прав.

Дело было все в той же перманентной политической нестабильности и нескончаемой борьбе за власть. Любой, кто согласился бы рассматривать американские предложения, был бы тут же обвинен в трусости и измене и мгновенно лишился бы всякой власти и влияния в стране. И дей-

ствительно, как только президент Эррера высказал намерение принять Слайделла, он моментально слетел с поста президента, и в декабре 1845 года его преемником стал бывший военный и ярый централист Мариано Паредес. Он решительно отказался говорить с американским посланником и объявил требования гринго неслыханной наглостью. Разозленный Слайделл написал Полку: "Похоже, что война – это действительно лучший способ иметь дело с мексиканцами" и отбыл восвояси. Отныне никаких вариантов мирного урегулирования не оставалось.

В январе 1846 года, узнав об ожидаемом провале миссии Слайделла, Полк приказал генералу Тейлору выдвигаться к Рио-Гранде, буквально приглашая мексиканцев к активным действиям. Однако пока что они не обращали на очевидную провокацию никакого внимания. Дело в том, что в течение первых месяцев 1846 года Орегонский вопрос оставался нерешенным и накладывался на кризис с Мексикой. Он усиливал сопротивление мексиканского общественного мнения требованиям США, поощряя ложные надежды на британскую помощь. Тем временем, северные демократы в Конгрессе оказали президенту надежную поддержку в его жесткой позиции против Мексики, поскольку всё еще ожидали, что он разделит их точку зрения по Орегону. Несмотря на то, что действия Полка были крайне сомнительными с моральной точки зрения, нельзя не признать его исключительное политическое мастерство в параллельном решении

этих двух ключевых кризисов – оба они разрешились именно так, как хотел президент. Британцы предложили свой компромисс по Орегону до того, как узнали о боях на Рио-Гранде, а Конгресс проголосовал за войну против Мексики до того, как северные экспансионисты разочаровались в разделе Орегона.

Президент Паредес ждал сколько мог. Несмотря на воинственные заявления, он был явно не в восторге от перспективы войны с более богатым и могущественным соседом. К тому же, он втайне надеялся, что кризис в Орегоне может подтолкнуть Британию к открытому конфликту со Штатами. Но уже к апрелю 1846 года стало понятно, что британцы вряд ли пойдут на силовое решение вопроса, а ему самому медлить было больше нельзя, иначе он рисковал отправиться на улицу вслед за Эррерой. 23 числа он издал прокламацию, в которой обвинил США в агрессивных действиях и приказал генералу Мариано Аристе с пятью тысячами солдат перейти Рио-Гранде и пресечь незаконные действия американцев.

24 апреля Закари Тейлор получил сообщение, что мексиканские войска форсируют реку в двух местах – ниже и выше по течению относительно его лагеря. Он послал два кавалерийских отряда на разведку, и если первый ничего не нашел, то вот второй, под командованием капитана Сета Торнтона, на следующий день наткнулся на засаду мексиканского генерала Анастасио Торрехона. Его 80 драгун были внезапно атакованы солдатами Торрехона общим числом в 1600 чело-

век, в результате чего 15 американцев было убито, 6 ранено, а остальные, включая самого Торнтона, попали в плен. К чести Торрехона, он вернул Тейлору всех раненых, а пленные впоследствии были освобождены в результате обмена, но это не имело никакого значения. Вот он, казус белли, который был так нужен Полку!

А у самого президента к тому времени уже кончалось терпение. Если сейчас же не начать боевые действия, он рискует потерять поддержку северных демократов из-за ситуации с Орегоном. В итоге он решает плюнуть на все и объявить войну мексиканцам на основании того, что те не выплачивают долги и отказываются вести переговоры со Слайделлом! Это был слишком смешной повод даже по меркам XIX века, но что поделать. 9 мая, когда он уже был готов выступить перед Конгрессом, к нему неожиданно приходит отчет Тейлора об инциденте с капитаном Торнтоном. Президент ликовал! Теперь ему не надо придумывать липовые основания для войны – мексиканцы сами преподнесли ему такой подарок!

Выступая перед Конгрессом с просьбой об объявлении войны, он произнес такую пламенную речь:

> "Чаша терпения была исчерпана еще до недавних сведений с границы. Но теперь, после многократных угроз, Мексика перешла границу Соединенных Штатов, вторглась на нашу территорию и пролила американскую кровь на американской земле. . . Война идёт, и, несмотря на все наши усилия избежать

ее, идёт по вине самой Мексики… Я призываю Конгресс к незамедлительным действиям по признанию этого факта и предоставлению в распоряжение исполнительной власти средств для ведения войны и, таким образом, ускорения восстановления мира".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.